

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка как иностранного и методики его
преподавания

Лян Цин

**Национально-культурное своеобразие концепта «дурак» в
русских пословицах (на фоне китайских)**

Выпускная квалификационная работа
магистра лингвистики

Научный руководитель:

к.ф.н., доц., доц., Костюк Н. А.

Рецензент:

к.ф.н., доц., ФГБОУ СПбГУПТД

Кунина Л. Г.

Санкт-Петербург

2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА	6
1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина. Задачи и цели лингвокультурологии	6
1.1.1. Статус лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин	6
1.1.2. Содержание терминов «картина мира» и «языковая картина мира». Типология «картин мира»	10
1.2. Концепт как одно из базовых понятий лингвокультурологии	15
1.2.1. Современные исследования, посвященные выявлению специфики концепта «дурак» в русском и китайском языкознании	19
1.3. Паремиологическое пространство и пословица как отражение русской и китайской языковой картины мира	23
1.3.1. Дефиниции паремиологического пространства и пословицы	23
1.3.2. Отличие пословиц от других жанров устного народного творчества, а также отличия пословицы от поговорки в русском языке	25
1.3.3. Лингвистический статус пословицы в китайском языке	28
Выводы	30
ГЛАВА II. ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О ДУРАКХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ	31
2.1. Концепт «дурак» как базовый концепт когнитивной структуры «Глупость»	32
2.2. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак»	40
с когнитивными структурами: «Ум», «Опасность»,	

«Универсальность» и «Судьба».....	40
2.2.1. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Ум»	40
2.2.2. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Опасность»	45
2.2.3. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Универсальность».....	49
2.2.4. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Судьба»	54
2.3. Концептуальное значение лексемы «дурак» в русских пословицах на фоне китайских.....	58
Выводы.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	74
ПРИЛОЖЕНИЕ	76

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике язык является не только средством общения, но и рассматривается как неотъемлемая часть культуры определенного этноса. Каждому языку свойственна индивидуальная лексико-семантическая структура, и лингвокультурологический анализ позволяет нам выявить релевантные понятия в данной культуре, из которых состоит картина мира. В рамках картины мира выделяется наиболее значимый термин – языковая картина мира, под которой понимается реальное проявление национально-культурного менталитета в языке. Культурное наследие находит свое отражение в ключевых культурных концептах, что предопределяет важность исследования концепта, который определяется Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юрковым как «единицы обыденного (преимущественно этического) сознания, они культурно значимы, аксиологически окрашены и мировоззренчески ориентированы» (Зиновьева, Юрков 2009: 88).

Чтобы выявить национально-культурную специфику картины мира определенного народа, необходимо в первую очередь обращение к устному народному творчеству. Следовательно, паремиологическое пространство как составляющая часть языковой картины мира представляет собой важный материал для интерпретации концепта. В этом смысле анализ устойчивых высказываний является значимым при исследовании картины мира любого языка.

Как особенности мышления, так и различия между этносами наиболее отчетливо выявляются в архаических формах народного творчества, в частности, в пословицах. Пословицы существуют в любом национальном языке, они аккумулируют народную мудрость, которая передается с их помощью из поколения в поколение. **Актуальность** темы исследования определяется тем, что концепт «дурак» как единица ментальной лексики, раскрывая совокупность всех смыслов, характерных для русской и китайской культур, способен наглядно продемонстрировать как сходство, так и

различие когнитивной природы данного концепта в разных культурах.

Актуальность также обусловлена включенностью исследования концепта «дурак» в изучение национальной концептосферы, зафиксированной в языковых категориях, за которым стоит мир образов, представлений, система ценностных установок, метафор; частотностью фразеологизмов, употребляющихся в бытовой жизни русских и китайских народов. Кроме того, актуальность исследования определяется также тем, что на настоящий момент практически отсутствуют сравнительные работы относительно данного концепта, в которых исследуется национально-культурное своеобразие концепта «дурак» на материале русских пословиц на фоне китайских аналогов.

Объектом исследования являются языковые единицы русских и китайских пословиц, в которых отражается концепт *дурак*.

Предметом исследования служат выражаемые анализируемыми русскими пословицами установки культуры, стереотипные представления, образные языковые средства, отличающиеся национальной спецификой на фоне китайских единиц.

Цель работы заключается в выявлении содержания и лингвистических средств выражения концепта «дурак» в русских пословицах на фоне китайских аналогов.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) описать теоретическую базу исследования;
- 2) отобрать для анализа пословицы из пословичных словарей русского и китайского языков, а также из сборников пословиц китайского языка;
- 3) выявить и охарактеризовать лексико-семантические группы слов, в которых объективируется концепт «дурак» в русских и китайских пословицах;
- 4) выявить наиболее важные для русского и китайского языкового сознания ментальные установки, формирующие стереотипное представление

о дураке;

5) определить содержание концепта «дурак» в русских пословицах на фоне китайских.

Научная новизна работы состоит в лингвокультурологическом аспекте исследования пословиц русского языка, вербализующих стереотипное понятие о дураке в пространстве русской пословичной картины мира на фоне китайских соответствий.

Материалом исследования служат русские и китайские пословицы из словарей и сборников русских и китайских фразеологизмов.

Основными методами исследования являются описательный метод, метод сплошной выборки материала, метод концептуального анализа и метод сравнительного анализа.

Гипотеза исследования: лингвокультурный анализ лексических единиц в русских и китайских пословицах, образующих концепт *дурак*, предопределяет возможность сформулировать стереотипное представление носителей данных языков о дураке как о лингвокультурном понятии, представляющемся собой неотъемлемую часть языкового сознания русского и китайского народов.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии основных положений лингвокультурологии применительно к исследованию и описанию национально-культурных специфик языкового представления концепта *дурак*, поскольку лингвокультурологический подход к изучению данного концепта может быть использован и при рассмотрении других концептов в лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материала исследования в практике преподавания русского языка в курсах лексикологии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Структура работы: Работа состоит из введения, 2-х глав, заключения,

списка использованной литературы, списка словарей и источников.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются гипотеза, цель и задачи работы, указываются используемые в работе методы исследования, формулируются новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. В первой главе рассматриваются теоретические положения изучения пословиц в аспекте лингвокультурологии, определяется понятие «пословица» в русской и китайской лингвистике, раскрывается содержание терминов «языковая картина мира», «концепт», проводится анализ работ, посвященных исследованию пословиц о дураке в научной литературе. Вторая глава посвящена лингвокультурологическому анализу русских пословиц, выражающих концепт «дурак», на фоне их китайских аналогов.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА

1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина. Задачи и цели лингвокультурологии

1.1.1. Статус лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин

Проблема статуса лингвокультурологии часто рассматривается наряду с такими дисциплинами, как лингвострановедение, этнолингвистика, социоллингвистика, когнитивная лингвистика и другие, объектом которого служит язык. По мнению В. А. Маслова, язык и культура взаимосвязаны друг с другом. С одной стороны, язык развивается на основе культуры, с другой стороны, язык – это выражение культуры (Маслова 2007: 9).

В современной лингвистике ученые по-разному рассматривают статус лингвокультурологии и лингвострановедения. Как считает Е. И. Зиновьева, лингвострановедение и лингвокультурология описывают соотношения языка

и культуры. Тем не менее, целью лингвострановедения является обучение языку с извлечением культурной информации из языковых единиц (например, из лексем и фразеологизмов). А цель лингвокультурологии – это обучение знанию культуры носителей изучаемого языка, а не обучение владению языком, поскольку лингвокультурология фокусирует свое внимание на том, как культура воплощается в языке (Зиновьева 2000: 14).

К тому же, по мнению Е. И. Зиновьевой, лингвокультурология представляет собой теоретическую филологическую дисциплину, а лингвострановедение является методической дисциплиной. С точки зрения В. В. Воробьева, лингвокультурология изучает национальную культуру, отраженную в языке. В этом случае лингвокультурология является аспектом языкознания и разделом семасиологии (Воробьев 2000: 84). На взгляд Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, различия между лингвокультурологией и лингвострановедением заключаются в том, что лингвострановедение изучает безэквивалентные языковые единицы, обладающие национальной спецификой для данной культуры, т. е. собственные национальные реалии, отраженные в языке (Верещангин, Костомаров 1980: 17).

На взгляд В. И. Тхорика и Н. Ю. Фаняна, лингвокультурология и лингвострановедение в принципе изучают один и тот же объект. При этом для лингвокультурологии характерен ряд специфических особенностей, важнейшими из которых являются: а) лингвокультурология как научная дисциплина представляет собой закономерную ступень в сфере филологических и других гуманитарных дисциплин, принадлежит к синтезирующему типу, пограничному между филологией и другими научными дисциплинами, которые изучают культуру; б) основным объектом лингвокультурологии служит «взаимодействие языка и культуры как единой системы». Содержание лингвокультурологии выводит ее в самостоятельную научную дисциплину, предметом которой являются национальные формы

общества, которые реализуют в системе коммуникации (Тхорик, Фанян 2006: 57).

Тем более, по мнению вышеназванных ученых, и материальная, и духовная культура, которую создает человечество, понимается как предмет исследования лингвокультурологии. Другими словами, содержание «языковой картины мира» может служить предметом исследования лингвокультурологии. В отличие от лингвострановедения, лингвокультурология обращается к новой системе культурных ценностей с апелляцией, которые соотносятся с новым мышлением, существенным современной жизни общества. Как отмечают В. И. Тхорик и Ю. Ю. Фанян, к существенным особенностям лингвокультурологии относится системное представление культуры народа в языке. Таким образом, авторы утверждают, что лингвокультурология, культурфилософия, социология культуры, культурная антропология, культурпсихология и история культуры представляют собой состав общей научной дисциплины, и все они связаны с культурологией. Лингвокультурология, тесным образом связанная с культурологией, лингвострановедением, этнолингвистикой и социоллингвистикой, обладает своей спецификой и своим особым «интегративным» аспектом в изучении взаимоотношения языка и культуры (Тхорик, Фанян 2006: 57).

В. А. Звезгинцева определяет этнолингвистику как научную дисциплину, которая имеет свое направление и фокусирует внимание на соотношении языка и культуры, на народных обычаях, социальной структуре общества или нации в целом.

На взгляд В. А. Масловой, выделяются две самостоятельные стороны в этом направлении, которые наблюдаются в рамках двух важнейших проблем: преобразования языковой территории этноса и преобразования языковой этнической материальной и духовной культуры (Маслова 2007: 10).

С точки зрения В. Н. Телии, лингвокультурология является частью

этнолингвистики, которая изучает и описывает соотношение языка и культуры (Телия 1996: 217).

Н. Б. Мечковская говорит о том, что социоллингвистика исследует взаимоотношения между языком и обществом, включая в том числе язык и культуру, язык и этнос, язык и церковь и др. Социоллингвистика в основном изучает особенности языка разных социальных групп разного возраста (Мечковская 1996: 85). Во всех названных дисциплинах выделяется понятие когниции, которое обращено в сторону когнитивной лингвистики, развивающейся в современной лингвистике как самостоятельная научная дисциплина в области исследования языка.

В «Словаре терминов межкультурной коммуникации» когнитивная лингвистика определяется как лингвистическое направление, главным предметом которого служат «когниция (познание), когнитивная деятельность человека (включая его когнитивные способности) и языковая репрезентация» (Жукова 2013: 157).

По мнению В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина, согласно особенностям антропоцентрической парадигмы, когнитивная лингвистика и лингвокультурология рассматриваются в диаде «язык и человек», но каждая из этих научных дисциплин дает этой диаде разные формы. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на исследовании в первую очередь когнитивной функции языка, а лингвокультурология – культурной. Когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, который занимает главное место в кодировании и трансформировании информации, а лингвокультурология изучает феномен культуры как носитель культурного кода нации. Иначе говоря, диада «язык и человек» приобретает новую форму в когнитивной лингвистике – триаду «язык – человек – познание», а в лингвокультурологии – триаду «язык – человек – культура» (Карасик, Слышкин 2001: 76).

Исходя из рассмотренных другими учеными определений

лингвокультурологии З. К. Сабитова обобщает, что лингвокультурология является комплексной (интегративной) научной дисциплиной, которая возникла «на стыке лингвистики, культурологии, этнографии, психолингвистики» (Сабитова 2013: 9). Кроме того, ученый отмечает, что лингвокультурология исследует взаимоотношение между языком и культурой, языком и этносом, языком и национальной ментальностью. При этом взаимоотношение между языком и культурой, языком и этносом отражается «в диапазоне современного культурно-национального самосознания, с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (систему норм и общечеловеческих ценностей)» (Сабитова 2013: 10).

Таким образом, лингвокультурология как научная дисциплина, занимающая важное место в современной лингвистике, связывается с этнолингвистикой, социолингвистикой и когнитивной лингвистикой и имеет свой самодовлеющий статус в ряду других дисциплин. К тому же лингвокультурология взяла понятийный аппарат из когнитивной лингвистики.

1.1.2. Содержание терминов «картина мира» и «языковая картина мира».

Типология «картин мира»

Термин «языковая картина мира» возник сравнительно давно. В XIX веке В. фон Гумбольдт выдвинул понятие «языковая картина мира», которое вызывало бурные дискуссии на протяжении всего XIX века. В XX веке содержанием этого понятия занимался прежде всего Л. Вайсгербер. Однако проблема исследования языковой картины мира стала популярной среди исследователей совсем недавно – в 90-х годах XX века, в связи с чем количество работ на эту тему увеличилось.

Идея В. фон Гумбольдта о существовании языкового «мировидения»

получила развитие в современной лингвистике, что вносит вклад в современную разработку понятия «языковой картины мира», которая понимается как отражение действительности в языке. Современные лингвисты, в том числе Ю. Д. Апресян, Д. О. Добровольский, Е. С. Яковлева и т. д., рассматривают язык не только как средство общения, но прежде всего как неотъемлемую часть культуры данного этноса. Итак, языковая картина мира представляет собой реальное явление национально-культурного наследия. Язык является одной из форм фиксации этого наследия, в том числе и в пословицах.

В языковой модели мира выделяется тип отношения человека к миру (природе, животным и самому себе как элементу этого мира) и нормы поведения человека в мире.

Как считает Ю. Д. Апресян, в каждом естественном языке отражается определенный способ организации (концептуализации) и восприятия мира (Апресян 1995: 37), другими словами, строится мир носителей языка на данном языке. По мнению многих российских ученых, в том числе Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанский, Е. В. Ивановой и т. п., выделяются две модели мира – концептуальная и языковая, которые отличаются друг от друга. На лексическом уровне можно рассматривать различие между этими двумя моделями как известное противопоставление «понятие/концепт» – «значение». В связи с тем, картина мира относится к концептуальной модели мира, которая может реконструироваться при анализе языковых фактов.

Это обусловлено тем, что языковая картина мира является одним из основных объектов и предметом изучения когнитивной лингвистики. В русле исследований, посвященных вопросам когнитивной лингвистики, исследователи делают акцент на когнитивных структурах, т. е. концептуальных системах или моделях (Иванова 2002: 9). Когнитивная структура является ключевым понятием когнитивной лингвистики; по определению Е. В. Ивановой, она также и понимается как «схема

репрезентации знания», «определенным образом упорядоченное знание человека о мире, репрезентированное в сознании». Когнитивная лингвистика включает в себя вербализованные (языковые и текстовые) и невербализованные знания (образы, которые задействуются в человеческом мышлении, но не выражаются языком) (Иванова 2002: 10-11).

Таким образом, анализ когнитивных структур, направленный на реконструкцию концептуальной картины мира, возможен только при выявлении основных концептов, в основе которых лежат данные когнитивные структуры. Другими словами, объективный подход к анализируемому материалу обеспечивается выявлением концептов. С помощью этих универсальных понятий т.е. концептов происходит восприятие действительности и создание образа мира носителей данной культуры. Об этом пишет Д. О. Добровольский: «(...) разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся по сути основанием национальных культур» (Добровольский 1997: 39).

При этом следует отметить, что пословицы как благодатный материал для анализа концептов лежат в основе лингвокогнитивных структур изучаемого этноса.

На взгляд З. Д. Поповой и И. А. Стернина, термин «картина мира» является важным для современной науки, но существует потребность в его четком определении, так как «нестрогость данного понятия и вольное обращение с ним не позволяют представителям разных дисциплин понять друг друга, достичь согласованности в описании картины мира средствами разных наук». При этом, как отмечают авторы, определение картины мира является особенно значимым для лингвистики и культурологии, поскольку в настоящее время это понятие актуальнее для этих дисциплин, чем для других (Попова, Стернин 2002: 25).

В нашей работе понятие «картина мира» также играет важную роль.

В. А. Маслова говорит о том, что картина мира создается с помощью многих параметров, например, «пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических» и т. д. Она складывается также под влиянием языка, природы, традиций, обучения, воспитания и других социальных параметров (Маслова, 2007: 67).

В современной лингвистике существуют разные точки зрения на картину мира и их классификации. По определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, выделяются их два типа: непосредственная и опосредованная. Первый тип получается в результате прямого познания мира человеком. При этом, кроме органов чувств человека, в познании принимает участие и абстрактное мышление, однако картина мира является также и результатом непосредственного восприятия и осмысления мира. Это и называется когнитивной картиной мира. А опосредованная картина мира складывается при фиксации концептосферы с помощью вторичных знаковых структур, которые конкретизируют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Другими словами, это и языковая, и художественная картины мира. В общем, языковая картина мира представляет собой совокупность представлений о действительности мира, которые фиксируются в языковых единицах.

В общей картине мира выделяются три формы – реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира. Об этом пишет С. Г. Тер-Минасова. Реальная картина мира определяется этим автором как «объективная внечеловеческая данность», окружающий человека мир. Культурная (понятийная) картина мира отражает реальную картину «через призму понятий», установление которых лежит на основе представлений народа. На формирование этих представлений оказывают влияние органы чувств и коллективное и индивидуальное сознание человека. А языковая картина мира – это отражение реальности через культурную

картину мира (Тер-Минасова 2000: 41).

На взгляд В. Б. Касевича, понятие картины мира является множеством аспектов и граней, в исследовании которого выделяются еще два типа: научная и наивная картины мира. Наивная картина мира существует, чтобы «служить своего рода базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долгосрочного характера» (Касевич 2004: 78). Между тем, принято ученым разделить языковую картину мира на научную и наивную.

Что касается определения языковой картины мира, то, кроме вышеназванных, на сегодняшний день существует и много других точек зрения. Об этом пишет В. Л. Моисеева; по ее мнению, языковая картина мира отражает способ того, как моделируется и структурируется действительность. Этот способ характерен для «конкретной лингвокультурной общности» (Моисеева 1998: 23). С точки зрения Е. С. Яковлевой, языковая картина мира может формулироваться как схема восприятия действительности, которая фиксируется в языке и характерна для носителей соответствующего языка. Таким образом, языковая картина мира является мироведением с помощью языка (Яковлева 1996: 30).

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что формирование языковой картины мира происходит с помощью четырёх видов средств – номинативных, функциональных, образных и дискурсивных средств (механизмов) языка. К первому виду относятся лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, которые фиксируют какое-либо членение и классифицирует объекты действительности. Функциональные средства языка – это отбор лексических и фразеологических единиц для коммуникации, который складывается с помощью состава наиболее частотных языковых средств носителей языка, иными словами, коммуникативно релевантных средств языка на фоне языковой системы. А образные средства языка включают в себя метафору, национально-специфическую образность,

внутреннюю форму языковых единиц и направление в развитии переносных значений. В качестве дискурсивных средств (механизмов) языка выступают специфические средства и стратегии текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенности стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях, приемы построения текстов разных жанров (Попова, Стернин 2002: 47).

Кроме того, в своей работе З. К. Сабитова определяет языковую картину мира как модель восприятия мира, которая накоплена народным опытом веками, которая отражена в языке и которая определяет мировоззрение человека. Но языковая картина мира является изменчивой, что обусловлено времени и национальностью (Сабитова 2013: 51).

В результате анализа разнообразных точек зрения исследований, можно утверждать, что языковая картина мира является национальным семантическим пространством языка. Языковая и концептуальная картины мира тесно связаны друг с другом, они обе представляют собой отражение соотношения между человеком и реальным окружающим миром.

1.2. Концепт как одно из базовых понятий лингвокультурологии

Лингвокультурология как научная дисциплина изучает соотношения языка и культуры. В лингвокультурологии выделяется базовое понятие «концепт».

Термин «концепт» рассматривается как структура национального сознания, которая является единой для всех представителей данного социума. Как отмечает В. И. Карасик, концепт представляет собой «значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, определенное в той или иной форме» (Карасик 1996: 46). В «Большом энциклопедическом словаре» дается определение концепта этого ученого, которое появилось

позднее: «Концепт (от лат. *conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет имени» (Карасик 2004: 348).

В настоящее время существуют много разных определений сущности концепта. Анализируя дефиниции концепта как главной единицы лингвокультурологии, следует отметить, что культурный концепт является многомерным смысловым образованием, рассматриваемым с трех сторон – ценностной, образной и понятийной (Карасик 2004: 109).

С точки зрения Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова, лингвокультурный концепт представляет собой условную единицу. Она условна вследствие того, что её произведение является синкретическим, а членение концепта производится с целью исследования (Зиновьева, Юрков 2009: 122). По определению Д. С. Лихачева, концепт – это результат «столкновения словарного значения с личным или народным опытом человека» (Лихачев 2007: 7). Как пишет С. Г. Воркачев, концепт является единицей коллективного сознания и тесно связан с высшими духовными ценностями. Кроме того, концепт обладает языковым выражением и этнокультурной спецификой (Воркачев 2001: 69). З. Д. Попова и И. А. Стерпин считают концепт глобальной смысловой единицей, в организации которой существуют ядро и периферия. Он также показывает все аспекты осмысляемого явления (Попова, Стерпин 2000: 15). По определению В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина, лингвокультурный концепт является условной ментальной единицей, которая систематически отражает язык, сознание и культуру (Карасик, Слышкин 2001: 21). Таким образом, все авторы согласны с мнением, что концепт принадлежит и к области мыслимого, и к области культурного феномена.

В рамках концепта выделяются две стороны: понятийная и образная. Как отмечает М. А. Андреева, понятийная сторона – это языковая фиксация концепта, которое соединяет в себя «описание, обозначение, признаковую

структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно». А образная сторона является зрительными, слуховыми, вкусовыми, тактильными, воспринимаемыми обонянием характеристиками «предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания» (Андреянова 2006: 1). М. А. Андреянова также отмечает ценностную сторону концепта, которая отражает значение данного «психического образования» для личного носителя языка и для всего коллектива в целом.

В. И. Карасик относит концепт к культуре и определяет как совокупность человеческой деятельности во всех сферах жизни, противопоставляемой природе. Лингвокультурологические концепты делятся на параметрические и непараметрические ментальные образования. К параметрическим относятся концепты, которые являются категориями для сопоставления реальных характеристик объектов, т.е. пространства, количества, качества, времени и т.п.; к непараметрическим относят концепты, которые обладают предметным значением. Параметрические концепты очень своеобразны, поскольку их ценностный компонент выводится дедуктивным образом, когда происходит конкретизация в речи.

В. И. Карасик делит непараметрические концепты на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся ментальные образования, в содержании которых играет главную роль ценностный компонент; второй включает в себя синкретические ментальные образования разного рода. По мнению В. И. Карасика, «Концепты-регулятивы содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они наиболее важны для выявления особенностей ментальности определенного народа или национальной группы. Концепты-регулятивы могут выражать как позитивные, так и негативные ценности (например, «надежда» и «зависть»)» (Карасик 2004: 151).

Опираясь на разные точки зрения ученых, можно прийти к выводу, что в

концепте выражается понятийная сторона какого-либо объекта окружающего мира. Концепт отражает специфику национальной и культурной картины мира, будучи результатом познания человека на своём опыте окружающего мира.

Что касается природы концепта, в данной работе мы разделяем точку зрения В. В. Колесова: концепт понимается как основная единица ментальности, более того, концепт определяется как смысл, существующий в различных формах в ментальном мире человека, в сознании, т. е. в форме представления, символа, образа или понятия (Колесова 1992: 158). Именно концепт как понятие будет рассмотрен в настоящем исследовании.

Рассматривая национальный менталитет в аспекте его концептов, в действительности лингвисты постоянно сталкиваются с толкованиями слов или других единиц языка. Большое количество лингвистов едины во мнении, что концепт репрезентируется в языке: готовые лексемы и фразеосочетания, свободные словосочетания, синтаксические конструкции и тексты, и даже совокупность текстов (при необходимости экспликации обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) (Попова, Стернин 2000: 20).

Когда речь идет о структурированности концептов, то некоторые ученые, в том числе Ю. С. Степанов, отмечают, что концепт четко структурирован, поскольку можно делить его на этимологический слой и актуальный слой. Первый тип может быть сжат до основных моментов истории. С точки зрения З. Д. Поповой и И. А. Стернина, можно дать описание концепту в терминах теории семантического поля – в категориях ядра и периферии. Ядро будет включать в себя слои с наиболее чувственно-наглядной конкретностью, иными словами, первичные, самые яркие образы; к периферии концепта будут относиться более абстрактные единицы. К тому же, концепт, как пишут авторы, является минимальной единицей структурированного знания. В связи с этим концепт имеет определенную, но

не жесткую структуру; по словам исследователей, он состоит из компонентов (концептуальных признаков). При этом авторы и пишут, что структурирование концепта не может быть идеальным вследствие того, что в принципе невозможно установить концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической), несмотря на установление ядра концепта. В этом случае мы можем перечислить характеристики, признаки признаков и концептуальные слои (Попова, Стернин 2000: 23).

Что касается подходов к исследованию концепта, в современной лингвистике выделяются когнитивный и лингвокультурный подходы. В центре внимания первого подхода находится формирование концепта, его психологическая природа, категоризация мира человека – впечатление, ощущение, понятие, представление, способы хранения опыта в памяти человека, фрейм и его разновидности, ассоциативные признаки единиц сознания и их описания. А сторонники лингвокультурного подхода рассматривают концепт как уже сложившееся ментальное образование, часть всей концептосферы и фрагмент картины мира.

В настоящей работе мы рассматриваем концепт с точки зрения широкого понимания, согласно которой, концепт представляет собой основную единицу ментальности, которая соединяет яркое образное представление и ряд ассоциаций и коннотаций вместе и репрезентируется вербально языковыми единицами разных уровней (словом, словосочетанием, всей словообразовательной парадигмой и др.) (Зиновьева, Юрков 2009: 94).

1.2.1. Современные исследования, посвященные выявлению специфики концепта «дурак» в русском и китайском языкознании

В последние годы стало очень популярным и актуализировалось лингвокультурологическое направление в исследовании концептов «дурак» или «глупость», то есть появилось многочисленных работ, которые

занимаются исследованием этих концептов в русской и китайской языковых картинах мира (Бусурина: 2004; Черкасова: 2011; Кириллова: 2012; Полищук: 2012; Ма Цин: 2014; Моргоева, Бесолова: 2015; Чжоу Шо: 2015). Среди этих авторов Е. В. Бусурина рассматривает лексему «дурак» как лингвокультуре́му вместо концепта. А остальные авторы утверждают, что в языковой картине мира концептуальное значение рассматриваемых понятий отличается от таковых в обыденном сознании.

Так, например, Е. В. Бусурина, исследуя лингвокультуре́му «дурак» в русской языковой картине мира, отметила, что лингвокультуре́ма отличается от концепта своей особой ценностной значимостью в культуре языкового сообщества и в когнитивном пространстве. Кроме того, «культурная обусловленность концепта *дурак* делает его специфической лингвокультуре́мой, содержание которой полностью выявляется только при погружении концепта в национальную русскую культуру». Опираясь на свой анализ, автор приходит к выводу, что самым главным в содержании концепта «дурак» является «значение отступления от нормы», а базовым смыслом, который объединяет все средства вербализации данного концепта, является «иной, не такой, как все» (Бусурина: 2004).

М. Н. Черкасова исследовала вопрос о фреймо-слотовой структуре концепта «дурак». Считая концепт «дурак» парадоксальным, уникальным и многослойным концептом в русском языкознании, она выделила три основные структуры данного концепта, т.е. фреймо-слотовая структура концепта «дурак» в обыденном, мифологическом и научном типах сознания. В конце статьи автор пришла к выводу, что ядро рассматриваемого концепта всех трех структур передается как «несоответствующий норме». Данная ядерная структура является стабильной и базируется на семанте «умственно ограниченный, неумный человек, совершающий необдуманные, нелогичные поступки, идущие против общепринятых норм, которые могут привести к неожиданным, не всегда отрицательным результатам» (Черкасова:

2011).

И. В. Кириллова исследовала лингвокультурологическую специфику когнитивной оппозиции *ум – глупость* в русской языковой картине мира. Сопоставляя содержания концептов «ум» и «глупость», автор пришла к заключению, что «доминанта когнитивного и лексико-семантического поля интеллектуальных возможностей человека в русском языке бинарна: ее дефиниционные признаки распределены между двумя лексическими показателями – лексемами *ум* и *глупость* соответственно». Кроме того, она говорит о том, что концепты «ум» и «глупость» представляет собой неполную и неабсолютную диаду. Однако на оценочной шкале лексема *глупость* реализует негативную оценку, т.е. «отступление от аксиологической нормы», а *умный* значит "нормальный" (Кириллова: 2012).

Т. И. Полищук исследовала концепт «глупость» в языковой картине мира на материале русского и французского языков. По словам автора, в рамках концепта «глупость» выделяется «низкий уровень умственных способностей», который отрицательно оценивается в русской и французской культурах. Она сделала вывод о том, что в ядро концептуального поля глупости входит категория субъективной оценки, при этом данный концепт характеризуется в первую очередь отсутствием способности ясно мыслить, неадекватностью восприятия действительности (Полищук: 2012).

Ма Цин исследовала фразеологические и паремические репрезентанты концепта «глупость» в русском языке на фоне китайского. В своей работе автор пришла к выводу, что семантическая структура концепта «глупость» представляет собой такие качества личности, как, например, «невежественный», «несмышленный», «недалекий», «нетолковый» и др. Кроме того, по мнению автора, национально-культурная специфика данного концепта проявляется в наборах образов, которые обладают экстралингвистическим содержанием (Ма Цин: 2014).

Л. Б. Моргоева и Е. Б. Бесолова опубликовали статью об особенностях

репрезентации концепта «дурак» в осетинских паремиологических текстах. При сопоставлении содержания концепта «дурак» в русском и осетинском языках авторы пришли к выводу, что данный концепт в обеих культурах включает в себя «семантику несоответствия интеллектуальной норме», которая в принципе воспринимается как врожденная неисправляемая особенность субъекта. Однако, в отличие от русского языка, в котором дурак как ментальное представление образа иногда понимается в позитивном смысле, в осетинской национальной картине мира дурак «бывает добрым только в силу своей наивности, но не награждается удачей и счастьем». В конце своей работы авторы, наряду с другими выводами, пишут, что по своей структуре признаки «дурака» являются антропоморфными – индивидуальными и социальными (Моргоева, Бесолова: 2015).

Чжоу Шо исследовал фразеологическое поле «глупость» в русской языковой картине мира на фоне китайского языка. По мнению автора, концепт «глупость» состоит из шести фразео-семантических групп: «Квалификация человека как глупого», «Особенности поведения глупого человека», «Отношение членов социума к глупости», «Происхождение глупости и ее распространение», «Степень проявления глупости» и «Ситуативное проявление глупости», среди которых ядерную зону составляет ФСГ «Квалификация человека как глупого». Опираясь на исследования данных фразео-семантических групп, автор пришел к выводу, что в русской и китайской лингвокультурологиях глупость как качество человека является достаточно универсальной (Чжоу Шо: 2015).

Подобные исследования служили ориентиром для нашей работы. Все приведенные исследования помогли нам наиболее четко определить задачи нашей работы: во-первых, охарактеризовать лексико-семантические способы обозначения концепта «дурак» в русских и китайских пословицах, а во-вторых, определить содержание концепта «дурак» и сформулировать его концептуальные признаки.

Мы привели в качестве примеров только несколько работ последнего времени, посвященных исследованию специфики концепта «дурак» и концепта «глупость», что, с одной стороны, доказывает актуальность нашего исследования, а с другой стороны, показывает, что концепт «дурак» еще не был предметом параллельного рассмотрения в русском языке на фоне китайского.

1.3. Паремиологическое пространство и пословица как отражение русской и китайской языковой картины мира

1.3.1. Дефиниции паремиологического пространства и пословицы

Всем известно, паремиологическое пространство является частью национальной языковой картины мира. Понятие паремиологического пространства тесно связано с понятием фольклорной традиции — сложной многоуровневой категории, художественной, эстетической, мировоззренческой, смысловой, ценностной (Мальцев 1981: 28).

Е. И. Селиверстова в своей работе отметила, что паремиологическое пространство (ПП) представляет собой систему (А) пословиц, связанных различными типами отношений (ПП охватывает всю пословичную парадигматику и выходит за ее пределы), обнаруживающих разные степени общности и отличия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), и единиц иного порядка — (Б) более мелких («составляющих» паремий — общих формульных фрагментов, типичной пословичной лексики, структурных моделей единиц) и (В) более обобщенных, «надпословичных» паремийных конденсатов (Селиверстова 2010: 9).

Как составляющая часть паремиологического пространства, пословица является очень важной. В пословицах запечатлен весь познавательный опыт народа, его морально-этические, социально-эстетические, художественные и

воспитательные идеалы. Они хранят историю движения народа по пути цивилизации, отражают характер народа, его симпатии и антипатии, связи с соседними народами. Пословицы впитали в себя все тонкости оценочного отношения к действительности, ее восприятия и отражения.

До сих пор пословица в исследованиях русского фольклора не обладает четким определением, хотя многочисленные словари русских паремий уже предпринимали попытки определить смысловое содержание данного термина. Кажется, это обусловлено прежде всего, тем, что в современной лингвистике отсутствуют работы общего характера, но существуют много текстов и нечетких определений. Кроме того, авторы, которые пытались четко отделить пословицу от поговорки, опирались на прежде всего на тематический критерий, поэтому приходили к разным выводам.

Пословица, по определению С. И. Ожегова, является кратким народным изречением, в котором присутствует назидательное содержание, народным афоризмом (Ожегов 2014: 568) .

В. И. Даль считает пословицу кратким изречением с поученьем, которое часто проявляется «в виде притчи, иносказанья или в виде житейского приговора» (Даль 2000: 368).

Пословица представляет собой краткое, ритмически организованное изречение с назидательным характером, кроме того, она должна устойчиво употребляться в речевом обиходе. При этом пословица обладает формой законченного предложения (простого или сложного). В пословицах отражается народный опыт, накопленный веками, в ней выражается суждение (кроме некоторых исключительных вариантов) (ЛЭС 1980: 389).

Пословица является коротким выражением, которое обладает эпиграмматическим характером и включает в себя «народную мудрость, правду или нравственный урок в сжатой форме и в образном смысле» (Арнольд 1973: 161).

Таким образом, несмотря на то, что до сих пор в русском языке нет

единого определения пословицы, которое бы раскрывало ее сущность, признаки и ценность пословицы, из рассмотренных выше толкований мы можем вывести рабочее определение. Итак, пословица является кратким, метким по силе мысли народным изречением, обычно имеющим двухчастную форму, в речевом обиходе обладающим устойчивостью, образностью и ритмичностью, что обязательно выражено в художественной форме.

1.3.2. Отличие пословиц от других жанров устного народного творчества, а также отличия пословицы от поговорки в русском языке

Пословицы и поговорки играют особую роль в рамках различных жанров народного творчества. Они родились в бытовой народной жизни, широко употребляются не только в устной речи, но и в художественных произведениях, и в публицистике, и в средствах массовой информации. Уместное употребление пословиц и поговорок придает речи выразительность, точность, меткость и эмоциональность.

Одним из сложных вопросов в современной лингвистике служит вопрос о разграничении пословиц и поговорок. Многие исследователи эти два термина рассматривают как синонимические понятия, однако, по мнению других ученых, пословицы и поговорки не только отличаются от других жанров устного народного творчества, но и различают между собой.

Прежде всего необходимо учитывать их общие обязательные признаки, отличающие пословицы и поговорки от других произведений народного творчества. Итак, пословицы и поговорки отличаются:

- а) краткостью (лаконичностью);
- б) устойчивостью (способностью к воспроизведению);
- в) связью с речью (тем, что пословицы и поговорки в естественном бытовании существуют только в речи);

г) широкой употребляемостью.

В связи с приведенными выше признаками пословицы и поговорки можно определить как краткие, ритмично организованные, устойчивые, широко употребляющиеся в речи выражения. Пословицы и поговорки отличаются от других произведений народного творчества лаконичностью, способностью к воспроизведению во все времена и в любой сфере деятельности, широтой употребляемости, устойчивой художественной формой, особым складом, ритмом, нередко рифмой, пословицы – поучительностью.

Однако при всей своей схожести пословицы и поговорки на самом деле отличаются друг от друга. Они входят в состав разных типов устойчивых единиц, которые не совпадают ни по содержанию, ни по структуре. Первые ученые, которые собирали и пытались определить пословицы и поговорки, этой проблеме уделяли особое внимание.

В. И. Даль провел четкую границу между пословицами и поговорками. По его словам, пословица является коротенькой притчей, суждением, приговором, поучением, которое было пущено «в оборот речи под чеканом народности». А поговорка представляет собой окольное выражение, переносную речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но, в отличие от пословицы, «без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» (Даль 1984: 8). Как пишет ученый, по народному определению, поговорка похожа на цветочек, а пословица – это ягода. (Даль 1984: 9). Пословица всегда обладает поучительностью в широком смысле, но ее поучительность равна назидательности. Тема пословица может быть простой и обычной, но в ней всегда присутствует какой-то «вывод», который является полезным. Поговорка же не обладает назидательно-поучительным характером.

Различие между пословицей и поговоркой заключается и в их структуре. Пословица включает в себя две части. Первая часть может быть обиняком,

картиной, общим суждением. Вторая обычно является приложением, толкованием и поучением. Нередко встречается такой случай, где опускается вторая часть, что требует сметливости от слушателя. В этом случае пословица почти не отличается от поговорки. Поговорка проявляется как единственно первая часть пословицы. В поговорке отсутствует притча, суждение, заключение и применение. Несмотря на то, что поговорка часто не договаривает, слушатели могут сразу догадаться, о чем идет речь. К примеру, она не говорит «он пьян», а скажет «у него в глазах двоится» (Даль 1984 : 3).

Поговорка всегда представляет составляющую часть суждения, между тем пословица выступает в речи в качестве целого суждения. Поговорку отличают от пословицы в аспекте конкретной темы, образа и формы. Что касается образности, пословицы и поговорки выделяются в ряде жанров фольклора. Пословица обладает краткостью, в ней выражается полное суждение в одном предложении. Образность пословиц проявляется в том, что в пословицах факты, явления и действия передаются иносказательно. В связи с этим пословица принимается обычно в переносном смысле. Однако в некоторых пословицах отсутствует общая иносказательная образность, эти пословицы употребляют и в прямом значении. Как отмечает В. П. Юдина, пословица является кратким народным изречением с афористическим характером. В пословице существует «одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план, а в грамматическом отношении они представляют собой законченные предложения. Поговорками называют устойчивые изречения, отличающиеся особой краткостью, имеющие буквальный или переносный смысл и обладающие незавершенностью умозаключения» (Юдина 1999: 11).

Следует отметить, что вопрос о разграничении пословиц и поговорок еще не решен. Некоторые исследователи не видят четкой границы между пословицами и поговорками. Нерешенной остается и проблема, включены ли пословицы во фразеологическую систему в русском языке.

Несмотря на то, что до сих пор в русском языке четкая граница между пословицей и поговоркой еще не определена, в нашей работе мы принимаем ту точку зрения исследователей, которые утверждают, что пословица и поговорка существенно отличаются друг от друга, при этом пословица является завершенным полным, поэтически устойчивым в речи изречением с поучительно-назидательным характером, которое широко употребляется в бытовой речи. А поговорка – это первая часть пословицы без притчи, суждения, заключения. В данной работе мы будем рассматривать только пословицы.

1.3.3. Лингвистический статус пословицы в китайском языке

Китайский язык также очень богат пословицами и поговорками, которые постоянно встречаются в газетах, в фильмах, в передачах радио и телевидения и в повседневном общении китайцев. В китайском языке пословицы понимаются как 谚语(Яньюй), а поговорки – как 俗语(Суюй).

В китайском языке понятия пословицы и поговорки часто не разграничиваются. Как правило, пословица и поговорка рассматриваются как единое целое. В китайской научной традиции они получили общее название – паремии.

Однако в трудах отдельных исследователей делаются попытки разграничить содержание интересующих нас терминов.

Ван Дэчунь в своей работе «Лексикологические исследования» впервые четко определил различие между пословицей и поговоркой: «Поговорка отличается от пословицы. В пословице зафиксирован жизненный опыт народа, пословица имеет более глубокий смысл. Смысл поговорки является простым». Китайские исследователи понимают отличие пословицы от поговорки по-разному, как и русские исследователи (Ван Дэчунь 1983: 65-66).

Слово «поговорка» восходит к очень известной книге «Исторические

записки», написанной Си Ма Цянь 2115 лет назад. Си Ма Цянь полагал, что поговорки — это фольклорные фразы (Си Ма Цянь 1959: 79).

Впоследствии Бань Гу в своей книге «Историческая хроника китайской династии Хань» отметил, что поговорки – популярные и общедоступные предложения, имеющие фиксированную и стабильную структуру (Бань Гу 1930: 94).

Применительно к пословице можно отметить, что современные китайские исследователи считают, что пословица – это малая форма народного поэтического творчества, облеченная в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном.

Многие китайские исследователи думают, что пословицы включаются в поговорки. Позволим себе не согласиться.

По нашему мнению, пословицы:

- 1) представляют собой фольклорные фразы;
- 2) являются образными, популярными выражениями, имеющими разговорную форму;
- 3) имеют вариативную структуру.
- 4) обладают и буквальным, и переносным смыслом.

Поговорка по структуре не так сложна, как пословица, она отражает опыт и жизненные знания, легко понимается, а также имеет более яркую разговорную форму, чем пословица. В поговорке чаще появляются незаконченные грамматические конструкции, сокращенные, усеченные выражения. Но у поговорок структура стабильна и отсутствует переносный смысл. В китайском языке, как и в русском, можно выделить группу промежуточных, пословично-поговорочных выражений.

Таким образом, выявленный лингвистический статус пословиц в китайском языке позволяет сделать эти единицы фоновыми для исследования русских пословиц.

Выводы

Логика изложения в первой главе теоретических понятий исследования, необходимых для проведения настоящего исследования, приводит нас к следующим выводам.

Лингвокультурология, если принимать точку зрения Е. И. Зиновьевой, является теоретической филологической дисциплиной, исследующей проявления культуры носителей данного языка, которые отразились и закрепились в языке. Лингвокультурология использует понятийный аппарат когнитивной лингвистики, потому что та и другая дисциплина содержит в себе когницию.

Главным термином когнитивной лингвистики и, следовательно, лингвокультурологии, является языковая картина мира. Изучение картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Языковая картина мира отражает как наивное, так и научное представление о мире носителей определенной культуры и языка. Языковая картина мира – это отражение действительности в сознании определенного народа.

В языке концептуализируется знание человека о мире. В настоящей работе мы рассматриваем концепт в русле широкого понимания: согласно точке зрения Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова, концепт представляет собой основную единицу ментальности, которая соединяет яркое образное представление и ряд ассоциаций и коннотаций вместе и репрезентируется вербально языковыми единицами разных уровней (словом, словосочетанием, всей словообразовательной парадигмой и др.).

Паремиологическое пространство языка следует признать частью национальной языковой картины мира. Рассматривая пословичный материал данного исследования, вслед за В. И. Далем и другими учеными, под пословицами мы понимаем краткие, меткие по силе мысли народные изречения, устойчивые в речевом обиходе образные изречения, ритмически организованные, выраженные в художественной форме. В нашем

исследовании мы также будем рассматривать китайские пословицы, используя для них один китайский термин 谚语 (Яньюй), который относится и к поговоркам. Анализ содержания термина «пословица» в китайской лингвистике позволил сделать вывод об его аналогичном лингвистическом статусе с русским термином «пословица» и на этом основании подтвердить правомерность анализа русских пословиц на фоне китайских.

Изложенные теоретические положения являются базой для исследования, результаты которого представлены во второй главе.

ГЛАВА II. ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О ДУРАКХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ

Вторая глава посвящена исследованию языковых единиц в пословицах о дураке, в которых наиболее ярко отражается национально-культурное своеобразие русской языковой картины мира на фоне китайской.

В профильных словарях было найдено большое количество пословиц, которые являются частью языковой системы, но некоторые из них относительно редко используются в бытовом общении, это касается как русского, так и китайского языка. Пословицы с концептом «дурак», вербально закрепляющие определенные пословичные картины мира в русском и китайском языках, представляют собой лишь часть большего по объему фрагмента действительности, в основании которого находятся когнитивные структуры «Глупость», «Ум», «Опасность», «Судьба» и «Универсальность».

Когнитивная структура, по мнению А. Е. Кирика, представляет собой теоретический конструкт, описывающий определенную реляционную область во взаимосвязях развивающегося организма (Кирик 2008: 53).

Е. С. Кубрякова и другие ученые отмечают, что когнитивные структуры

часто рассматриваются наряду «со значениями, концептами, фреймами, ментальными пространствами, дискурсом, определенным образом организованным и хранимым в памяти знанием, эмоциями и т. п.» (Кубрякова и др. 1997: 51).

Е. В. Иванова в своей работе трактует когнитивные структуры как "определенным образом упорядоченное значение человека о мире, которое репрезентируется в сознании в вербализуемых и невербализуемых формах" (Иванова 2002: 11).

Итак, иными словами, модель мира в голове человека представляет собой совокупность когнитивных структур. Когнитивная структура репрезентируется более дробными единицами, определяемыми как когнитема.

2.1. Концепт «дурак» как базовый концепт когнитивной структуры «Глупость»

В русской и китайской национальных картинах мира закреплена часть широкого по объему фрагмента действительности, которая выражается в пословицах, вербализующих концепт «дурак». Центр **когнитивной структуры «Глупость»**, имеющей в своей основе базовый концепт «Дурак», составляют пословицы, дающие представление о глупом человеке, то есть обладающие, условно говоря, качеством дефиниции. В ней присутствуют основные признаки концепта «дурак».

Анализ дефиниции лексемы «дурак» в толковых словарях позволяет утверждать, что признак «глупость» является базовым дифференциальным при- знаком значения слова «дурак». Так, дурак определяется в словаре С. И. Ожегова как *глупый человек* (Ожегов 2014: 283). В толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова "дурак" определяется также как *глупый человек* (ТСРЯ 2000: 811). Кроме того, в еще одном словаре "дурак"

понимается как *глупый, тупой человек* (МАС 1999: 453). В связи с выделением данного признака выделяется и первая группа пословиц, которую составляют единицы, описывающие глупость как основное свойство дурака через отрицание наличия другого качества, а именно – ума, то есть неумение логически мыслить. Практически во всех из них используется слово «дурак» или, за некоторым исключением, его производные, что будет продемонстрировано в дальнейшем.

Анализируя корпус русских пословиц, можно утверждать, что качество глупости проявляется многопланово, и, в первую очередь, оно определяется через отсутствие ума. Например,

Дурак дурака учит, а оба не мыслят.

Зрячий не скажет, дурак не догадается.

Один дурак сказал, другой повторил.

Дурак сам не рад, что ума нет.

Данные пословицы, имеющие общую когнитивную «отсутствие ума», однако ее реализация идет в разных направлениях. Предложим к рассмотрению следующую схему (схема 1):

(Схема 1)

Отсутствие ума проявляется, в первую очередь, как отсутствие мыслей, что осознается в пословицах как очевидный факт, который невозможно исправить, например:

Что он дурак, так это и мать его родная скажет.

Кому Бог ума не дал, тому кузнец не прикует.

Дурак и из-за границы дураком вернется.

Был дураком, дураком и останется.

Очевидно, когнитема «отсутствие ума» в русских пословицах реализуется разнопланово. Существуют пословицы, в которых оно обозначается через образ пустоты. Например:

У него (у дурака) из голубятни голуби улетели.

Два фонаря на пустой каланче.

Голова без ума, что фонарь без свечи.

У дурака что на уме, то и на гумне (т.е. пусто).

В первых трех пословицах «ум/голова» метафорически сравнивается с образами голубятни, каланчи, фонаря, а «мысли» – с образами голубей, фонарей и свечи. Для последующего анализа приведем словарные значения лексических единиц *голубятня*, *каланча*, *фонарь* и др.

Голубятня – «Помещение для голубей, устраиваемое на крыше, на чердаке дома» (ТСРЯ 2007: 598). *Каланча* – «1. Сторожевая вышка пожарной части для наблюдений за возникающими пожарами. 2. Дозорная башня в крепости или на сторожевом посту для наблюдений за передвижением врага (истор.)» (ТСРЯ, 2007: 1290). *Фонарь* – «1. Осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки со стеклянными стенками, в к-рой помещается источник света» (Ожегов, 2014: 1279). *Свеча* – «Палочка из жирного вещества с фитилем внутри, служащая примитивным источником освещения» (Ожегов, 2014: 1050).

В русском языке пословицы неразрывно связаны с народно-поэтическим творчеством, поэтому в пословицах используются выражения из городского и крестьянского быта, например, «голубятня», «голуби», «фонари», «каланча», «свеча» и «гумно». Среди них слово «каланча» является историзмом и обозначает реалию русского городского быта, не имеющую аналогов в современности, а остальные обозначают реалии русского крестьянского быта.

Рассматривая толкования данных слов в словарях, можно сказать, что они представляют собой место обитания или помещения, в которых должно быть что-нибудь внутри. Например, в голубятне (сравнение: *голубятня – голова*) обычно есть голуби, но они улетели, и голубятня осталась пустой. В каланче сторож наблюдает за обстановкой вокруг и предупреждает о возникшей опасности, но в самой каланче (голове) осталось только два фонаря (глаза) без свечи. Таким образом, каждый из названных предметов, являющийся одним из компонентов сравнения, не выполняет свою функцию, как и голова, в которой нет мыслей. Все помещения напоминают пустую голову без ума, которая вообще не работает. В этом случае образ *ума* представлен в образах голубей, сторожа и свечи. Так, переносное значение передается через признаки: «место обитания/помещение» как признак, соотносимый с образом дома (вместилище ума) и «появление/исчезновение» как признак, соотносимый с мыслеобразами. Здесь метафора является конкретной, но в то же время обладает и свойством обобщения.

Однако когнитивная категория «отсутствие ума» необязательно выражается в русских пословицах метафорически. Например, в пословице *У дурака что на уме, то и на гумне (т.е. пусто)*, но данная пословица при отсутствии метафоры также указывает на отсутствие мыслей. Самой главной во всех приведенных пословицах является четко выраженная идея пустоты, т.е. отсутствия мысли и способности мыслить, понимаемая широко на фоне характерного для народного творчества параллелизма: у дурака не только ума нет, но и запаса пшеницы нет на гумне.

Итак, можно сказать, что дурак – это фигура, распространенная в быту как характерный субъект бытовой жизни русского народа, а значение этого слова выражается через базовый признак «глупость».

Китайские пословицы также, как и русские, демонстрируют отсутствие ума как один из важнейших дифференциальных признаков значения слова «дурак» и соответствующего концепта. Однако дальнейшая конкретизация

данного признака идет, по сравнению с русскими пословицами, по другим линиям (см. схему 2):

(Схема 2)

Итак, схема 1 и схема 2 почти полностью совпадают, за исключением групп таких признаков, как «отсутствие мыслей» и «неразвитый ум», в русских и китайских пословицах соответственно.

В отличие от русских пословиц, в китайских пословицах используются другие образы. Наиболее частотным является образ «простая голова». Если в русском языке слово *простой* определяется как «1. Добродушный, простодушный, не церемонный. П. Человек. 2. Самый обыкновенный, не выделяющийся среди других» (Ожегов, Шведова 1999: 622), то в толковом словаре китайского языка *простой* также определяется только как "обыкновенный, не выделяющийся среди других", то есть значения практически совпадают. Однако словосочетания *простой человек* и *простая голова* в китайском языке, в отличие от русского, отличаются друг от друга: *простой человек*, что перед нами *обыкновенный человек*, а вот *простая голова* в китайском языке понимается как *голова без всяких мыслей*. В этом случае «простой человек» в китайском языке толкуется как «обычный человек, массовый человек» (КЭС, 2007: 476), а «простая голова» в китайском языке понимается как «отсутствие способности к мышлению» (КЭС, 2007:115). В китайской картине мира обнаруживаются пословицы, которые описывают глупость дурака через образ простой головы, ср. 头脑简单, 四肢发达 (*tou nao jian dan, si zhi fa da*) – У дурака голова простая, а тело

развитое. В данной пословице отсутствует метафорическое сравнение, только указывается на тот факт, что у дурака голова *простая*, иными словами, *пустая*. В китайском языке существуют синонимические словосочетания *дубовая голова*: 榆木脑袋, 不开窍 (*yu tu nao dai, bu kai qiao*) – *Мозги не варят у дубовой головы, где голова варит* – «(прост.) голова соображает» (Ожегов 2014: 115), *дубовый* в словаре С. И. Ожегова понимается как «перен. Грубый, неуклюжий, тупой (разг. пренебр.)» (Ожегов 2014: 283); в толковом словаре русского языка *дубовый* определяется как «грубый, тупой, тяжелый (разг. фам.)», а *дубовая голова* – «болван, дурак» (ТСРЯ 1999: 819). Словосочетание 榆木脑袋 (*дубовая голова*) параллельно русскому значению понимается как "неразвитая", "безо всяких мыслей".

Кроме того, особняком стоят пословицы типа 秕麦穗子翘得高, 无知的人爱骄傲 (*bi mai sui zi qiao de gao, wu zhi de ren ai jiao ao*) – *Колос худой пшеницы высоко растет, а глупый высоко себя оценивает* (Колос – «Такое соцветие (сложный колос) хлебного знака» (Ожегов, Шведова, 1999: 285). *Пшеница* – «Хлебный злак, а также зёрна его, из которых приготавливают белую муку» (Ожегов, Шведова, 1999: 635), "Худой" - «Плохой, дурной (разг.)» (ТСРЯ, 2000: 630). *Глупый человек* сравнивается с *худой пшеницей*: ее колос не соответствует норме так же, как ум глупого человека. Видимо, в данной пословице косвенно выражается когнитивная тема «отсутствие ума», а глупость дурака заключается в том, что он не понимает своей глупости.

Интересно, что в Китае *простая голова* противопоставляется *развитому телу*, то есть в китайской культуре противопоставляются умный глупому как «развитие» и «Неразвитие», в то время как в русской культуре это противопоставление идет по линии "умеющий мыслить, продуцирующий мысль" и "отсутствие мыслей".

В русской национальной картине мира отсутствие ума может декларироваться прямо. Конкретизация признака «отсутствие ума»

рассматривается как неспособность выполнить простейшую операцию или действие (схема 1).

Дурак на руке и пальцев не сочтет.

Заставь дурака горшки носить, а он рад разбить.

Пошли дурака за водой, он огня несет.

Заставьте дурака Богу молиться – он и лоб расшибет.

Последние три пословицы весьма показательны. В данных пословицах употребляются императивы (*заставьте, пошли и посади*), что придает им экспрессивность. Лексико-морфологические средства в форме повелительного наклонения передают отношение обусловленности, поскольку синтаксически легко восстанавливаются сложноподчиненные предложения с придаточной условной частью. Они обладают возможным или предполагаемым условием (Розенталь 2010: 400-401). В вышеприведенных пословицах присутствует значение возможного условия, а *дурак* описывается как субъект, не имеющий необходимых данных для корректного, "правильного" выполнения простейшей операции, и как субъект, ответственно, но неразумно относящийся к тому, что поручено. В результате своего действия дурак наносит ущерб не только другим, но физически и самому себе (*расшибет лоб...*).

Соответственно, когнитема «отсутствие ума» реализуется также через способность совершать неразумные поступки, что является одним из наиболее значимых свойств концепта «дурак». Рассмотрим это более подробно при анализе когнитемы «неспособность выполнить простейшую операцию».

Качество глупости, характеризующее дурака, проявляется через описание ситуаций поведенческого характера: дурак совершает алогичные, неразумные поступки. Данные пословицы имеют общую когнитему «способность поступать неразумно». Ср.: *Дал дураку яичко: что покатило, то и разбил. Не попробовавши, солит дурак.*

Так, например, с точки зрения носителей русского языка глупость дурака проявляется в необразованности и некультурности: *Посади дурака за стол, он и ноги на стол*. Глупость его проявляется в том, что он не может следовать норме. Это является одним из стереотипных представлений о поведении дурака в русском национальном сознании.

Конкретизация когнитемы «способность совершать неразумные поступки» (схема 2) рассматриваются в китайских пословицах как проявление глупости дурака в повторяемости ошибок: *蠢人总是在同一块石头上摔跤(chun ren zong shi zai tong yi kuai shi tou shang shuai jiao)* Дурак всегда спотыкается на одном и том же камне; *每一个人都不可能没有错误, 只有蠢家伙才会一错再错 (mei yi ge ren dou bu ke neng mei you cuo wu, zhi you chun jia huo cai hui yi cuo zai cuo)* – Каждый может совершать ошибку, но только дурак свою ошибку повторяет; *愚蠢的人总是为自己的错误辩护, 聪明人力求改正自己的错误 (yu chun de ren zong shi wei zi ji de cuo wu bian hu, cong ming ren li qiu gai zheng zi ji de cuo wu)* – Дурак оправдывает свои ошибки, умный человек их исправляет.

В русской языковой картине мира дурак предпочитает лезть правде: *Дурак правду по капле принимает, а лезть по ложке*.

А в китайской языковой картине мира дурак тоже склонен ко лжи, но по глупости может и проговориться: *此地无银三百两, 隔壁王二不曾偷 (ci di wu yin san bai liang, ge bi wang er bu ceng tou)* Здесь не закопаны 300 лянов серебра, сосед Ван Эр никогда не ворует. Смысл данной пословицы состоит в том, что дурак пытается скрыть что-то, но сам себя выдает своими высказываниями, которые представляются ему ловким отвлекающим маневром. В этой и подобных китайских пословицах используется имя собственное *Ван Эр*, которое является одним из самых распространенных имен в китайском языке. С одной стороны, этот факт указывает на большое

количество глупых, а с другой стороны, указывает также на тип "усредненного", простого, неразвитого человека.

2.2. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивными структурами: «Ум», «Опасность», «Универсальность» и «Судьба»

2.2.1. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Ум»

Концепт «дурак» находится на пересечении когнитивных структур «Ум» и «Глупость»: глупый – значит «не умный». Обычно в русских пословицах сталкиваются два субъекта, *глупец* и *умный*. Например,

Где умному горе, там глупому веселье.

Глупый-то свистнет, а умный-то смыслит.

Умный плачет, а глупый скачет.

В этой ситуации один концепт может быть понят через другой: *дурак* (*умный*) – это тот, в ком отсутствует определенное качество (*ум* или *глупость*). В каждой из пословиц представлены два субъекта, действия которых сравниваются в пользу умного, а не в пользу дурака. Вообще, в сознании русского народа глупость часто противопоставляется уму. Концепт «дурак» опирается на частотные лексические единицы: «глупый – умный».

В этих пословицах на первый план выходит антонимичность как принцип организации данных пословиц – противопоставление языковых антонимов (*горе – веселье, умный – глупый*), а также противопоставлены друг другу глаголы из противоположных ЛСГ: физического и ментального действия (*свистнет – смыслит, плачет – скачет*). (*Свистнуть* – «1. см. свистеть. Издавать свист. *Смыслить* – разг. Понимать, знать» (Ожегов 2014: 1052). *Плакать* – «Проливать слезы (от боли, горя и т. п.), обычно издавая

при этом нечленораздельные голосовые звуки» (Ожегов 2014: 785). *Скакать* – «1. Передвигаться, быстро бежать скачками» (Ожегов 2014: 1076.)
Анализируя словарные дефиниции данных, противопоставленных в пословицах, лексических единиц, мы можем судить, что у дурака отсутствие ума порождает бессмысленные действия (*свистеть, скакать*). При этом проявляется высокая степень абсурдности действия дурака, в основе которой лежит глупость: *глупому веселье, глупый-то свистнет, глупый плачет*.

В данных пословицах *дурак* или его производное - *глупый человек* - сравнивается с умным, при этом подчеркивается основное, уже упоминаемое нами ранее, свойство дурака – глупость. Вместе с тем в этой группе пословиц выражается отношение других людей к дураку: в России это неодобрение, а к умному – наоборот. Эти пословицы получают экспрессивную краску благодаря наличествующему в них сравнению по контрасту.

В китайской национальной картине мира аналогичным статусом обладают пословицы, в которых *глупый* также противопоставляется умному: *蠢人嚼舌, 智者动脑 (chun ren jiao she, zhi zhe dong nao)* – *Дурак болтает языком, а умный шевелит мозгами*. В данной пословице также выделяется антонимичность: *дурак – умный, болтать языком – шевелить мозгами*. *Болтать* – «Говорить (много, быстро, а также о чём-н. незначительном или то, о чем не следует)» (Ожегов, Шведова 1999: 55). *Шевелить* – «Ш. мозгами (перен.: соображать, думать хорошенько; разг.)» (Ожегов, Шведова 1999: 894). Ср.: *博学的人大话少, 浅薄的人爱吵吵 (bo xue de ren da hua shao, qian bo de ren ai chao)* – *Мудрец мало бахвалится, глупец часто болтает*, где *бахвалиться* в толковом словаре русского языка определяется как «(разг. неодобр.) Хвастаться с самонадеянностью и кичливостью» (Ожегов 2014: 68), *болтать* – «(разг.) Говорить (много, быстро, о чём-н. незначительном или то, о чём не следует)» (Ожегов 2014: 95); *聪明人用成果说话, 傻瓜才用舌头吹牛 (cong ming ren yong cheng guo shuo hua, sha gua cai yong she tou chui niu)* –

Язык мудрого в сердце, сердце глупого – на языке. При этом мы можем видеть, что дурак в сознании китайцев по сравнению с умным тоже не соответствует определенной норме. И кроме очевидного свойства, отраженного в признаке «отсутствие ума», дурак в китайской картине мира обладает еще и болтливостью, что характеризует его как недалекого человека, неспособного мыслить глубоко.

Следует отметить, что в китайском национальном сознании нередко наблюдается пересечение концепта «дурак» с концептом «деньги», например, *蠢家伙贪求的是钱财, 聪明人珍藏的是知识 (chun jia huo tan qiu de shi qian cai, cong ming ren zhen cang de shi zhi shi)* – Дурак жадно стремится к деньгам, а умный человек – к знаниям; *愚蠢的人幸福是钱和官, 聪明的人幸福是劳动和贡献 (yu chun de ren xing fu shi qian he guan, cong ming de ren xing fu shi lao dong he gong xian)* – Для дурака счастье состоит в деньгах и власти, а для умного – в труде и вкладе; *智者驾驭金钱, 愚者被金钱束缚 (zhi zhe jia yu jin qian, yu zhe bei jin qian shu fu)* – Мудрец держит деньги под контролем, а дурака ограничивают в деньгах. В данных пословицах умному человеку вручены возвышенные идеи и цели, а у дурака, наоборот, подчёркивается присущая ему жадность к деньгам.

В сознании русского народа дурак ассоциируется с ребенком, другими словами, у него ум, как у ребенка. Ср.: *Малый, что глупый: что видит, то и бредит. Дал дураку яичко: что покатыл, то и разбил.* В этом случае глупость дурака проявляется, с одной стороны, в том, что он не задумывается, что сказать, а с другой, – в озорстве его поведения. Для китайского национального сознания эти ассоциации нетипичны, нам встретилась только одна пословица, в которой дурак ассоциируется с ребёнком: *孩子和傻子, 不会说谎话 (sha zi he hai zi, bu hui shuo huang hua)* – Ни дети, ни дураки не умеют лгать.

Однако этой группе противопоставлены по значению пословицы, в которых дурак может быть социально убедительнее, чем умный, иными словами, дурак может быть даже умнее умного. Например, он может заставить умного человека себя слушать и верить его речам:

Дурак мелет, а умный верит. (Молоть – «прост. Говорить (что-н. вздорное)» (Ожегов 2014: 550).)

Эта тематическая группа пословиц весьма обширна.

Дурак в воду камень закинет – десятеро умных не вытащат.

Дурак завяжет – умный не развяжет

Временами и дурак правду скажет (т.е. что-н. правильное).

И глупый умного одурачит.

Одурачить – значит перехитрить, в толковом словаре русского языка одурачить определяется как синоним дурачить, т.е. «Обманывать в расчете на чью-н. наивность, доверчивость» (Ожегов, Шведова 1999: 182); это не значит «быть умным», это значит «быть хитрее, чем умный». Таким образом, концепт «дурак» характеризуется в русской среде не просто умом, но и хитростью.

Пословицы этой группы, хотя и противоречат рассмотренным ранее, не являются единичными. Вместе с тем очевидно, что хитрость - это не постоянное качество «усредненного дурака», оно может в нем присутствовать, но часто и не присутствует.

Аналогичным статусом обладают китайские пословицы: *一愚所失, 百智难回* (*yi yu suo shi, bai zhi nan hui*); данная китайская пословица соответствует русской – *Дурак в воду камень закинет – десятеро умных не вытащат* и *愚者所问, 智者难答* (*yu zhe suo wen, zhi zhe nan da*) – *Один дурак может задать вопрос, на который десять умных не могут ответить.*

Древняя китайская пословица гласит: *三个臭皮匠, 赛过一个诸葛亮* (*san ge chou pi jiang, sai guo yi ge zhu ge liang*) – *Три ничтожных сапожника*

стоят одного мудреца Чжугэ Ляна, где сапожник понимается в словаре как «мастер по шитью и починке обуви» (Ожегов 2014: 1043), что в китайской традиции считается не очень уважаемой профессией, а мудрец Чжугэ Лян – герой классического романа «Троецарствие», знаменитый полководец и стратег, государственный деятель царства Шу в 2-3 веке в древнем Китае. Таким образом, значение слова "мудрец" дублируется именем собственным, одновременно экстралингвистический ореол слова "сапожник" (его экстралингвистическая сема) дублируется в прилагательном "ничтожный". Данный случай понимается в русском языке как плеоназм, который является употреблением в предложении или в словосочетании логически избыточных и семантически близких слов (ЛИЯ 2006: 647); при этом в китайском языке аналогичным статусом обладает термин 语义重复(т.е. дублирование смысла). Это подчеркивает тот факт, что дурак может быть социально убедительнее, чем умный. Или же такая пословица: 三个笨汉, 抵一个状元 (*san ge ben han, di yi ge zhuang yuan*) – Мудрость трёх дураков превосходит мудрость одного чжуаньюаня, где чжуаньюань – претендент, ставший победителем, сдав экзамен в столице, чтобы стать первым кандидатом на высокую государственную должность. Чжуаньюань – обозначение ученой степени в старом Китае, в сегодняшнем Китае это слово обычно используется в двух значениях: "первый из сильнейших" или "мастер своего дела", и является одновременно и именем нарицательным и именем собственным. Необходимо отметить, что ум дураков в китайском народном сознании ассоциируется с двумя прецедентными именами – Чжугэ Лян и Чжуаньюань, тем более, оба являются представителями мудрости в Китае. Эти имена в Китае используются как нарицательные. В русских пословицах имена собственные используются в другой функции (*Добро к Фоме пришло, да промеж рук ушло.*): они представляют самые распространенные имена на Руси и обозначают "усредненного" носителя определенного признака. Однако в пословицах о дураках мы не наблюдали использования имен собственных.

Необходимо обратить внимание на то, что в проведенных китайских пословицах выделяется имя числительное – три, которое в этом случае обозначает не конкретное количество, а только большое количество. Такой резкий контраст высокого и низкого социального статуса как *три сапожника* и *Чжугэ Лян*, *три дурака* и *чжуаньюань*, подчеркивает тот факт, что иногда дурак может быть социально убедительнее, чем умный человек при условии наличия большого количества дураков.

2.2.2. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Опасность»

Анализ русских и китайских пословиц позволяет нам выявить, что они отражают тот фрагмент действительности, в основе которого, как представляется, лежит когнитивная структура «Опасность».

Данная группа русских пословиц имеет общую когнитивную тему «представляющий опасность для окружающих», соотносимую с концептом «Дурак» и с когнитивной структурой «Опасность». В первую очередь когнитивная тема «представляющий опасность для окружающих» выражается как забота о недураках и предостережение не связываться с дураками, никогда не иметь с ними дела:

Не дай Бог с дураком связаться!

Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю!

Лучше с умным потерять, чем с глупым найти!

Даст тебе дурак мёду – плюнь, даст мудрец яду – пей.

В двух из приведенных пословиц используются слова, значения которых противопоставлены; это слова, тяготеющие к контекстуальным антонимам: *ад – рай*, *потерять – найти*, *мёд – яд*, *плюнуть – пить*. Последние два глагола содержат в своих значениях антонимичные по значению приставки *вы-* и *в-*. Ср.: *Плюнуть* – «1. Выбрасывать, извергать изо рта слюну, мокроту»

(ТСРЯ 2000: 292). *Пить* – «Вводить в свой организм какую-н. жидкость, проглатывая ее» (ТСРЯ 2000: 272). Яд оказывается менее опасен для здоровья по сравнению с мёдом, который предлагает дурак. И даже рай оказывается ненужным, если в нём необходим контакт с дураками. Русские стараются избегать дураков и быть от них, как от греха, подальше. В пословице *Лучше с умным потерять, чем с глупым найти!* отчетливо осознается контраст между умным и глупым, а скрытое сравнение работает в пользу умного. В русском менталитете сложилось определенное представление о дураке: он опасен, и к нему лучше не приближаться.

В китайской национальной картине мира также можно встретиться с подобными пословицами, имеющими общую когнитивную «представляющий опасность для окружающих». Приведем только одну из них: 聪明人, 好说话; 糊涂人, 好打架 (*cong ming ren, hao shuo hua; hu tu ren, hao da jia*) *Умный любит говорить, а дурак любит драться.* В китайском национальном сознании дурак оказывается не только опасным, но и грубым субъектом, способным на физическое насилие, так как он склонен все решать с помощью кулаков. Кроме того, в китайском языке опасность дурака отражается и в неспособности держать себя в руках, в таком случае он может принести вред другим, например, 歹人多怒气 (*dai ren duo ni qi*) – *Дурак часто выходит из себя.*

Кроме того, в русской национальной картине мира обнаруживается непосредственное выражение опасности при соприкосновении с дураком:

С дураком шутить опасно.

Дурак опаснее врага.

Дурак один родится – всему свету беда.

Слово *беда* понимается в толковом словаре как «то же, что несчастье» (Ожегов 2014: 124), *опасно* и *опаснее* – «см. опасный. Способный вызвать, причинить какой-н. вред, несчастье» (Ожегов 2014: 658). Итак, общая сема

выделенных слов – это *несчастье*. Активные лексические единицы *опасный* – *опасно* – *опаснее* формируют деривационный ряд, который определяется как «ряд слов, при котором производное слово и производящая основа имеют один и тот же план выражения, но различный план содержания» (Гак 1979: 91). Это подтверждает тот факт, что дурак может принести несчастье к другим, иными словами, они представляют опасность для окружающих.

Аналогичный смысл заложен и в китайских пословицах 呆子帮忙, 越帮越忙 (*dai zi bang tang, yue bang yue tang*) – Когда дурак помогает, только хлопоты добавляет, где хлопоты объясняются как «действие по глаг. хлопотать, суетливая и беспокойная работа, занятие, заботы» (ТСРЯ 2000: 1158); 愚蠢的朋友比明智的敌人更糟糕 (*yu chun de peng you bi ming zhi de di ren geng zao gao*) – Глупый друг хуже умного врага. Данная китайская пословица имеет русское соответствие: *Услужливый дурак опаснее врага*. В приведенных китайских и русских пословицах используется выразительное средство сравнение *глупец – враг* по аналогии с русскими: *ад – рай*, которые не являются антонимами, а представляют собой противопоставленные слова, тяготеющие к контекстуальным антонимам. В китайском так и в русском национальном сознании враг оказывается менее опасен по сравнению с глупцом (дураком), что выражается общее отношение к дураку: он опасен, с ним лучше не общаться. Данные пословицы представляют собой вывод-обобщения после общения с дураками.

В то же время в китайском языке обнаруживаются другие пословицы, которые непосредственно предостерегают об опасности дураков на конкретных примерах. Например, 歹马害一群, 歹人害一帮 (*dai ma hai yi qun, dai ren hai yi bang*) – Худая лошадь весь табун портит, а дурак приносит вред другим. Интересен тот факт, что в данной пословице дурак сравнивается с лошадью, которая тоже приносит ущерб большинству.

В сознании русского народа присутствуют пословицы, где идея

опасности дурака «расширяется»: контакт с дураками не только опасен, но и может превратить недурака в дурака. Данную группу пословицу характеризует когнитивная тема «*способный превратить недурака в дурака*». Например,

С дураком говорить – сам будешь дурак.

Дурака пошлешь, а за ним и сам пойдешь.

Дурак, кто с дураком свяжется.

С дураками и сам поглупеешь.

Аналогичные мысли содержит ряд китайских пословиц типа: *跟愚者成糊涂, 随智者变聪明* (*gen yu zhe cheng hu tu, sui zhi zhe bian cong ming*) – *С дураком дружить – глупеешь, с умным – становишься умнее.*

Связаться в толковом словаре определяется как «Войти в какие-н. (невыгодные или предосудительные) отношения с кем-н.» (Ожегов 2014: 716). Данное слово содержит в себе сниженный смысл. *Дружить* понимается как «Находиться с кем-н. в дружбе» (Ожегов 2014: 319). Эти слова указывают на обстоятельство данной группы пословиц – «иметь отношения с дураком». При таком условии отражается общее мнение: если дружить/связаться с дураком, то можно получить один и тот же результат: стать дураком или поглупеть.

В русском языке существует также некоторое количество пословиц с предостережением самому дураку, которые имеют бранный оттенок. Приведем одну из них:

Молчи, коли Бог разуму не дал!

В китайском языке подобные пословицы отсутствуют.

Таким образом, на основании когнитивной структуры «Опасность» выделяется группа русских и китайских пословиц, имеющих общую когнитивную тему «*представляющий опасность для окружающих*». У русских пословиц актуально выразительное художественное средство контраст и деривационный ряд, а у китайских – непосредственная конкретизация.

2.2.3. Соотношение концептуального значения лексики «дурак» с когнитивной структурой «Универсальность»

Когнитивная структура «Универсальность» лежит в основе данных пословиц, которые отражают тот факт, что в русской национальной картине мира глупость воспринимается как естественное явление. Главная идея этих пословиц заключается в том, что существование дураков универсально так, как универсальна глупость, которая определяет человека как дурака. Идея «Универсальность» обнаруживается в двух аспектах:

- утверждается сам факт существования дурака и глупости в мире как аксиома;
- утверждается, что глупость как основная характеристика дурака в той или иной степени присуща любому человеку.

Следует отметить, что вышеназванные группы очень близки друг к другу и отражают в принципе одну и ту же идею: *повсеместного распространения глупости*, – но по-разному ее интерпретируют.

В первой группе пословиц наличие в мире дурака и глупости как его основного состояния связано с идеями пространства, времени и количества.

На Руси, слава Богу, дураков сто лет припасено.

Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь.

Всех дураков на свете не перечесть.

Сколько дней у Бога впереди, столько и дураков.

На наш век дураков много.

Про всякого дурака ума не напасешься.

В данных пословицах используются слова и словосочетания, обозначающие *пространство и расстояние*: «Русь» (*на Руси*), Москва (*до Москвы*), «на свете»; *время*: «сто лет», «век»; *количество*: «сколько... столько...», «все», «много», «всякий» и др. Таким образом, среда обитания

дураков и глупости как его основного качества не ограничивается территориально и во времени. Среда его бытования расширяется до масштабов всей страны и связана с огромным временным периодом, то есть по сути не ограничена каким-либо определенным пространством или временными рамками.

Идея большого количества дураков выражается с помощью глаголов с отрицанием за счет семантики приставок *пере-* (*не перевешать, не перечесть*) и *на-* (*не напастись*). Сравните: *пере...* в толковом словаре объясняется как приставка, которая «образует глаголы со значением распространения действия на множество, на всё» (Ожегов, Шведова 1999: 499); *на...* в толковом словаре определяется как приставка, которая «образует глаголы со значением полноты действия и большого количества его объектов» (Ожегов, Шведова 1999: 374).

С помощью этих языковых средств универсальность дурака как неотъемлемая принадлежность существующего мира отражается в идее *большого количества дураков на Земле*.

В китайской национальной картине мира идея универсальности качества глупости также связана с идеей времени, как, например, в следующей пословице *不懂装懂, 一世饭桶* (*bu dong zhuang dong, yi shi fan tong*) – *Человек, который напускает на себя вид знатока, всегда является никудышным и глупым*, другими словами, это человек, кто поступает глупо, совершает глупость. Приведенная пословица представляет собой пограничное состояние пословицы: она одновременно относится и к когнитивной структуре «Глупость» и к когнитивной структуре «Универсальность». *Никудышный* понимается как «никуда не годный, плохой (прост. пренебр.)» (Ожегов 2014: 631). В данной пословице используется наречие «*всегда*», обозначающее время, что свидетельствует о том, что появление дурака не ограничено определенными временными рамками. Аналогичным статусом обладают другие китайские пословицы,

например, 聰明一世, 糊塗一時 (*cong ming yi shi, hu tu yi shi*) – *Был умен весь век, поглупел на миг*, где «весь век» и «миг» – обозначения времени, которые в этом случае противопоставлены друг другу по протяженности во времени. Это подтверждает тот факт, что в китайском национальном сознании явление дурака достаточно универсально и не ограничено временными условиями.

В русской национальной картине мира дурак рассматривается и как универсальное явление, существующее у представителей всех народов, и как явление конкретного русского народа, которое опирается на местоимение «мы» (*у нас*) и наречие места «дома» (т.е. тоже «у нас», в нашей стране): *У нас дураков семь байдаков, да еще и угол не почат*, где *байдак* понимается как «речное, плоскодонное, одномачтовое, деревянное судно» (Википедия), *почать* – «2. (разг.) Приступить к действию, начать» (Ожегов 2014: 862); а также на словосочетание *и дома есть*: *За дураками не за море ездить, и дома есть*. Смысл приведенной пословицы *У нас дураков семь байдаков, да еще и угол не почат* заключается в том, что если посадить всех наших дураков на лодки, то получим большое количество лодок, а мы еще не начали их сажать по углам. Имя числительное *семь* – обозначение большого количества чего-то в русской культуре, имя числительное *три* – в китайской культуре (например, уже рассмотренная пословица: 三个臭皮匠, 赛过一个诸葛亮 (*san ge chou pi jiang, sai guo yi ge zhu ge liang*) – *Три ничтожных сапожника стоят одного мудреца Чжугэ Ляна*).

Вторая группа пословиц отражает идею о том, что глупость, характеризующаяся дураков, затрагивает всех, т.е. все могут быть глупыми, или дураками. Это является возможной участью каждого из нас, если мы поступаем неправильно или неразумно:

Тот дурак, кто слушает чужих врак.

Прямой, что дурной (глупый).

В разряд дураков можно попасть, если человек прислушивается к вранью или говорит прямо, без обиняков, правду в глаза, не учитывая

конкретной ситуации или эмоций собеседника.

Данные пословицы имеют общую когнитивную сему «*имеющий отношение к любому индивиду*».

Таким образом, когнитивная структура «Универсальность» лежит в основе объемного фрагмента действительности, частью которых являются фрагменты пословичных картин концепта «дурак». Сами же пословицы о дураках имеют общую когнитивную сему «*имеющий повсеместное распространение в большом количестве*», а пословицы о глупости, присущей дуракам, обладают общей когнитивной семой «*имеющая отношение к любому индивиду*».

В китайском национальном сознании глупость так же рассматривается как универсальное свойство, которое имеет отношение к любому человеку. К примеру, вышеприведенная пословица 聰明一世，糊涂一时 (*cong ming yi shi, hu tu yi shi*) – *Был умен весь век, поглупел на миг* может и включается в эту группу. У данной китайской пословицы есть еще один русский эквивалент – *И на старуху бывает проруха*. Данная пословица говорит о том, что даже умный человек может совершить неразумный поступок и прослыть или стать на какое-то время дураком. А пословица 刀不磨要变钝，人懒惰要变笨 (*dao bu mo yao bian dun, ren lan duo yao bian ben*) – *Нож, который не точат, становится тупее; человек, который ленился, становится глупее* свидетельствует о том, что в китайской традиции универсальность характеристики глупости, делающая человека дураком, ассоциируется с ленью, поскольку китайцы лень ненавидят и высоко оценивают усердие. Здесь *точить* в словаре определяется как «Делать острым посредством трения о камень, кожу и т.п.» (Ожегов 2014: 1201); *тупой* в прямом смысле понимается как «не суживающийся к концу острым углом», а в переносном – «лишённый острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности» (Ожегов 2014: 1285); *ленился* – «испытывать лень, лениво относится к чему-н.» (Ожегов 2014: 289). Итак, в определении слова *точить* выделяется сема «*делать острым*», а

тупой – «не острый» в прямом значении, т.е. противопоставлены антонимы *острый – тупой*; при этом противопоставлены оказываются и слова *точить* (т.е. острый ум, развитый деятельный ум) и *ленился* (т.е. ленивый ум не задействован). В данном случае смысл пословицы становится очевидным на фоне контраста: в прямом значении *тупой – острый* и в переносном значении *тупой – глупый*. Иными словами, противопоставление которых идет по линии языковых антонимов *тупой – острый* и по линии языковых синонимов *тупой – глупый*. Как отмечает В. П. Москвин, контраст является семантической категорией, которая лежит в основе противопоставления. Контрастное противопоставление (относительно приведенных пословиц это контраст ситуации и лексическое значение слов) может делать речь понятной и наглядной, поскольку «в фигурах словесного контраста одно из противопоставляемых слов играет роль фона, на котором яснее и нагляднее воспринимается смысл другого слова» (Москвин 2006: 140). Кроме того, следует отметить, противоположность является только частным случаем контраста, вследствие того, что противопоставлены могут быть практически любые лексические единицы, в том числе синонимы и разные ЛСВ (лексико-семантические варианты) в рамках одной лексемы. Итак, в противопоставленных словах *точить – тупой*, *тупой – глупый* слова *точить* и *лень* играет роль фона, на котором яснее и нагляднее выделяются тупость и глупость человека.

В общем, для русских пословиц, имеющих отношение с когнитивной структурой «Универсальность», актуально имя числительное «семь» и слова и словосочетания, обозначающие пространство, расстояние, время и количество. Для китайских – выразительное художественное средство *контраст* и слова и словосочетания, обозначающие время.

2.2.4. Соотношение концептуального значения лексемы «дурак» с когнитивной структурой «Судьба»

Пословицы, отражающие идею «предопределение жизни дурака», занимают особое место по значимости в когнитивной структуре концепта «дурак». Фрагмент пословичных картин «дурак» как часть фрагмента действительности пересекается с когнитивной структурой «Судьба». Данные пословицы можно разделить на две группы.

Первая группа состоит из ряда пословиц, в которых утверждается, что дураки существуют на Земле как данность без всякой причины, т.е. родиться и быть дураком – это судьба. Например:

Дурак не дурак, а сроду так.

Не дурак, а родом так.

Дураки не орут, не сеют, а сами родятся.

В выше названных пословицах употребляются однокоренные слова: *родиться* – *род* – *сроду*, которые имеют общую сему «появление». А слова *сеять* и *орать* обозначают крестьянскую работу, направленную на получение урожая. Не сеять, не орать значит не созидают, но эти субъекты (т.е. дураки) появляются сами по себе.

Орать – «Возделать землю, поля, удобрять, пахать, сеять, боронить и пр., обрабатывать, заниматься хлебопашеством» (Ожегов, Шведова 1999: 458). *Сеять* – «Класть семена в почву» (Ожегов, Шведова 1999: 715). *Родиться* – «Появиться на свете (о человеке, животном)» (Ожегов, Шведова 1999: 681). В пословице *Дурак не орут, не сеют, а сами родятся* подчеркивается тот факт, что дураки существуют на Земле без всякой причины. Кроме того, слова *орать*, *сеять* обозначают деревенский труд в поле. В связи с этим, мы можем узнать, что дураки не способны на деревенское труд. В данной пословице также используется прием контраста двух части пословицы, на фоне которых выделяется судьба дурака – глупость присуща дураку с рождения. А в пословицах *Дурак не дурак, а сроду так*, *Не*

дурак, а родом так уделяется внимание тому, что глупость врожденное свойство дурака.

В китайской национальной картине мира обнаруживаются аналогичные пословицы, например: 笨蛋自然成, 无须勤浇水 (*ben dan zi ran cheng, wu xi qin jiao shui*) – Дураки сами родятся, не надо часто поливать, где используется также глагол *родиться*, который подчеркивается тот факт, что родиться и быть дураком – это судьба. Эту группу пословиц характеризует когнитивная тема «*существующий на Земле без всякой причины*».

Примечательно, что в русском языке выделяются пословицы, имеющие общую когнитивную тему «*неспособный к изменению*». Данные пословицы описывают судьбу дурака как неизменяемый факт – ни его взгляды, ни его состояние – ничего нельзя изменить ни при каких условиях.

Был дураком, дураком и остался.

Дурак весь мир объедет и дураком вернется.

Дурак всегда дураком будет.

Дурак и из-за границы дураком вернется.

В рассмотренных пословицах используется такое выразительное средство речи, как повтор, которое понимается в узком смысле как неоднократное использование единицы в пределах фразы или микротекста, включая в себя звуки, звукосочетания, морфемы, слова и конструкции. Стилистический повтор является приемом, который «облегчает слушателю запоминание и усиливает впечатление», так как «перемежающееся раздражение действует сильнее, чем протекающее равномерно» (Москвин 2005: 236). Таким образом, подчеркивается глупость как основное и неисправляемое свойство дурака.

В китайском национальном сознании аналогичным статусом обладают китайские пословицы: 一问三不知, 神仙没法治 (*yi wen san bu zhi, shen xian mei fa zhi*) – Дурак ни о чем не имеет понятия, даже небожитель не может его лечить. Небожитель, в китайском языке имеет значение «чудотворец», и

в китайской традиции считается всемогущим; однако даже он не может лечить дурака, поскольку дурак настолько глуп, что это является неисправляемым фактом по жизни. Подобный смысл выражается также в пословице: *朽木不可雕也, 粪土之墙不可圻也* (*xiu mu bu ke diao ye, fen tu zhi qiang bu ke wu ye*) – *Из гнилого дерева поделки не сделаешь, стены с мусором не побелишь.* "Гнилое дерево" понимается как эвфемизм, который определяется как «выражение, используемое для завуалированного обозначения того, что в данной ситуации неуместно обозначать прямым наименованием. Эвфемизм и соответствующее прямое наименование создают ситуацию двуименности предмета» (Москвин 2006: 65). В данной пословице дурак сравнивается с образами *гнилого дерева* и *стен с мусором*, которые невозможно исправить, при этом следует отметить, что *гнилое дерево* и *глупый человек* как субъекты действия не способны к развитию, что является неисправляемым фактом. Это и составляет метафору, которая, на взгляд В. П. Москвина, представляет собой перенос по сходству и отличается «наличием общего признака между прямым и переносным значением слова» (Москвин 2006: 164-165).

Вторая группа включает в себя пословицы, связанные с темой удачи, которая улыбается дуракам. Удача как составляющая часть судьбы также не зависит от человека. В этой ситуации Бог оказывается на стороне дураков. Данная группа пословиц имеет общую когнитивную тему «*получающий помощь от высших сил*». Например, в русских пословицах:

Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь.

На дурака у Бога милости много.

Дурак спит, а счастье у него в головах лежит.

Дурак стреляет – Бог пули носит.

Вышесказанные пословицы отражают мнение народа о том, что дуракам на Руси везет. Показательна в этом смысле пословица *Дурак стреляет – Бог пули носит*, где *стрелять* понимается не в своем прямом значении, как

«убивать из огнестрельного оружия» (Ожегов 2014: 1151), а как обозначение любого действия субъекта. Если понимать пословицу буквально, опираясь на прямое значение слов, то интерпретация будет следующей: раньше во время боя обычно ядра подносил человек, который находится в подчинении у того, кто стреляет. В этой же пословице субъекты *подчиненный* и *главный* меняются местами. Бог – единственная в мире субстанция, на месте которой не может оказаться никто. И Бог уступает свое место дураку, тем самым выводя его из-под критики. А если пословицу прочесть в переносном ключе, то сентенция *Бог пули носит* по своей семантике синонимична глаголу *помогать*: акцент в пословице делается на том факте, что дурак заслуживает особого отношения Бога к себе. Сравните также: *Дурак – Божий человек. Бог дураков любит*.

В Китае дураку плохо живется, но иногда ему тоже предоставляют удачу, о которой свидетельствуют китайские пословицы типа: 憨头郎儿, 增福延寿 (*han tou lang er, zeng fu yan shou*) – *Если человек является глупым, то у него иногда бывает долголетие и благополучие*.

Однако, в отличие от России, в древнем Китае, как правило, народ не принимает ни христианство, ни православие, но молится Будде. В связи с этим в китайских пословицах вместо Бога появляются другие идолы, связанные с буддизмом, ср. 呆人有呆福, 泥菩萨住得大屋 (*dai ren you dai fu, ni pu sa zhu de da wu*) – *У глупого человека жизнь иногда такая же удачливая, как у глиняного бодисатвы, которому поклоняются в большом монастыре*. Здесь *глиняный бодисатва* понимается как образ для поклонения. Чтобы понять данную пословицу, следует привести другую древнюю китайскую пословицу: 泥菩萨过江, 自身难保 (*ni pu sa guo jiang, zi shen nan bao*) – *Когда глиняный бодисатва переходит вброд реку – ему даже собственное тело трудно сохранить в целостности (потому что он из глины)*, иными словами, он не может даже себе помочь, не говоря уж о помощи другим. Несмотря на

то, что глиняный бодисатва считается идолом для моления, в сознании народа он не всемогущ и даже неспособен к самосохранению. Итак, в пословице 呆人有呆福, 泥菩萨住得大屋 (*dai ren you dai fu, ni pu sa zhu de da wu*) – У глупого человека жизнь удачливая, глиняному бодисатве поклоняются в большом монастыре дурак ассоциируется с глиняным бодисатвой, к которому относятся, как к другим всемогущим идолам. Это и свидетельствует о том, что несмотря на глупость дурака, он и заслуживает удачу в своей жизни. Кроме того, следует отметить, что в приведенных китайских пословицах используется наречие времени *иногда*, которое указывает на тот факт, что в китайской культуре удача в жизни дураков ограничена временными рамками, т.е. зависит от обстоятельства. Итак, данную группу китайских пословиц характеризует общая когнитивная тема «*везучий время от времени*».

В общем, когнитивная структура «Судьба» в русских и китайских пословицах с концептом «дурак» конкретизируется в разных направлениях: в когнитивных темах «*получающий помощь от высших сил*» и «*везучий время от времени*», при этом совпадают и другие когнитивные темы – «*существующий на Земле без всякой причины*» и «*неспособный к изменению*». Вместе с тем, различие также состоит в том, что в китайских пословицах существуют не всемогущие сомнительные идолы вместо всемогущего Бога в русских пословицах.

2.3. Концептуальное значение лексемы «дурак» в русских пословицах на фоне китайских

В данной работе, посвященной выявлению национально-культурного своеобразия концепта «дурак» в русских пословицах на фоне китайских, мы проанализировали значение лексемы *дурак* и провели классификацию пословиц в русском и китайском языках, посвященных теме появления,

существования и поступков глупого человека (дурака).

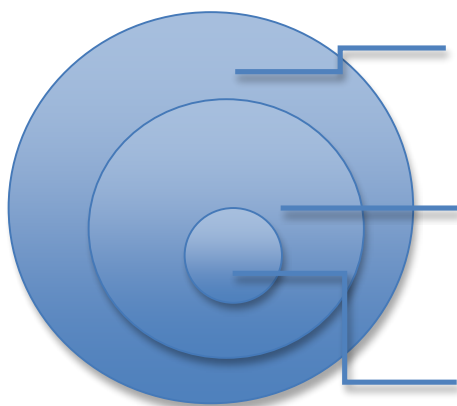
В современных языковых исследованиях используются в качестве равноправных следующие термины: семы / дифференциальные признаки, концептуальные признаки / когнитемы. Также, в исследованиях, посвященных концепту, при классификации его признаков используются такие термины, как *ядро*, *центр* и *периферия*.

Статистический анализ выделенных тематических групп позволяет построить модель концепта «дурак» в русских и китайских пословицах, т.е. определить периферию, центр и ядро концепта.

По данным нашего материала, концепт «дурак» в русских пословицах конкретизируется через следующие когнитемы (в скобках указывается количественный показатель):

1. Когнитема «отсутствие ума» (17);
2. Когнитема «глупый, не умный» (3);
3. Когнитема «существующий на Земле как данность (как аксиома)» (8);
4. Когнитема «могущий представлять опасность для окружающих» (7);
5. Когнитема «могущий иногда превращать недурака в дурака» (4);
6. Когнитема «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека» (5);
7. Когнитема «имеющий отношение к любому индивиду» (2);
8. Когнитема «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок» (2);
9. Когнитема «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение» (1).

Мы считаем целесообразным отразить полученную классификацию когнитем концепта «дурак» в виде следующей схемы:

Имеющий отношение к любому индивиду; Обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок; вынуждающий окружающих корректировать свое поведение.

Существующий на Земле как данность (как аксиома); Могущий представлять опасность для окружающих; Способный иногда превращать недурака в дурака; Могущий иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека

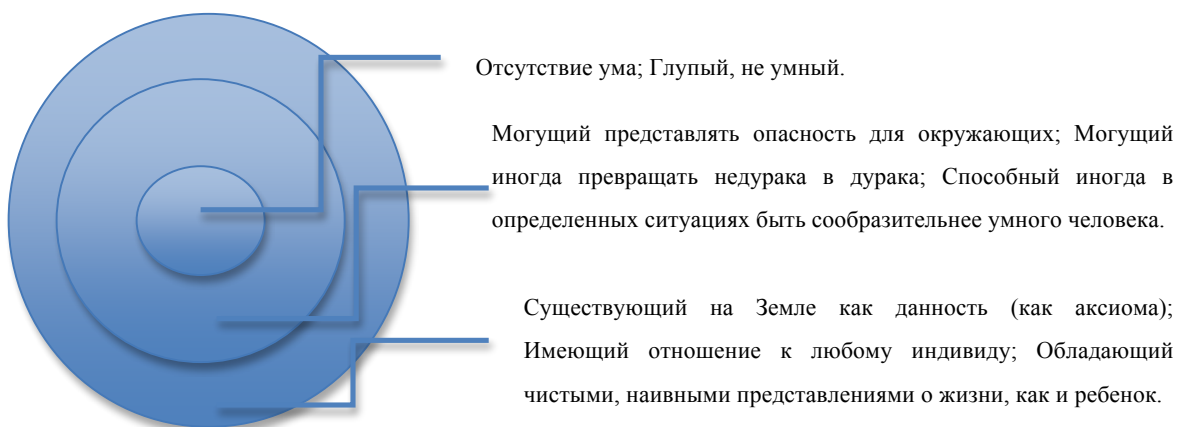
Отсутствие ума; Глупый, не умный.

Концепт «дурак» в китайских пословицах конкретизируется через следующие когнитемы:

1. Когнитема «отсутствие ума» (7);
2. Когнитема «глупый, не умный» (6);
3. Когнитема «могущий представлять опасность для окружающих» (5);
4. Когнитема «могущий иногда превращать недурака в дурака» (1);
5. Когнитема «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека» (4);
6. Когнитема «существующий на Земле как данность (как аксиома)» (1);
7. Когнитема «имеющий отношение к любому индивиду» (1);
8. Когнитема «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок»; (1)

Мы также считаем целесообразно отразить полученную классификацию когнитем концепта «дурак» в виде следующей схемы:

Рассмотрев модели-схемы концепта «дурак» в русских и китайских пословицах мы пришли к следующим выводам:

1. Ядерную зону в русских и китайских пословицах формируют когнитемы «отсутствие ума» и «глупый, не умный», поскольку они называют самую существенную отличительную черту дурака: дурак – это человек, у которого отсутствует ум, иными словами, основным признаком у дураков является *отсутствие ума*. Отличительные признаки данного концепта и в русских, и в китайских пословицах почти полностью совпадают, однако они по-разному распределяются в структуре концептуального значения концепта «дурак» (относительно ядра, центральной части и периферии концептуального значения), что отражает национально-культурные особенности данного концепта в разных культурах. Тем более, что в русских пословицах данная когнитема реализуется в разных направлениях: «отсутствие мыслей», «способный поступать неразумно», «неспособный выполнить простейшую операцию». В китайском национальном сознании когнитема «отсутствие ума» также реализуется разнопланово: при совпадении признаков «способный поступать неразумно» и «неспособный выполнить простейшую операцию» в китайских пословицах актуальным оказывается признак «неразвитый ум», а в русских – «отсутствие мыслей».

Итак, несмотря на то, что ядро концепта «дурак» в обоих языках представлена когнитемой «отсутствие ума», ярким различием является то, что ядро концепта в русском языке содержит компонент «отсутствие мыслей», а ядро концепта в китайском языке включает компонент

«неразвитый ум».

2. Центр концептуального значения данного концепта в русском национальном сознании представлен большим количеством признаков – 4 когнитемы, а в китайском – только 3 когнитемы.

В центральную часть концептуального значения концепта «дурак» в русских пословицах попадают когнитемы: «существующий на Земле как данность (как аксиома)», «могущий представлять опасность для окружающих», «могущий иногда превращать недурака в дурака», «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека»; в китайских – «могущий представлять опасность для окружающих», «могущий иногда превращать недурака в дурака» и «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека».

3. На периферии концептуального значения данного концепта находятся когнитемы «имеющий отношение к любому индивиду», «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок», «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение» (русские пословицы); «существующий на Земле как данность (как аксиома)», «имеющий отношение к любому индивиду» и «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок» (китайские пословицы). Следует отметить, что в китайском языке отсутствуют пословицы, имеющие когнитему «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение».

В общем, в структуре концептуального значения рассматриваемого концепта в русской пословичной картине мира появляется дополнительный, отсутствующий в китайской национальном сознании, признак «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение».

Выводы

1. Русские и китайские пословицы имеют общую когнитивную «отсутствие ума», которая конкретизируется в разных направлениях: при общности сем-конкретизаторов «способный поступать неразумно» и «неспособный выполнить простейшую операцию». В русских пословицах когнитивная «отсутствие ума» проявляется в первую очередь в отсутствии мыслей, в то время как в китайских пословицах она проявляется как неразвитый ум у носителя признака «отсутствие ума».

2. Для китайских пословиц характерно использование имен собственных, которые имеют нарицательное значение. Например, *此地无银三百两, 隔壁王二不曾偷* (*ci di wu yin san bai liang, ge bi wang er bu ceng tou*) *Здесь не закопаны 300 лянов серебра, сосед Ван Эр никогда не ворует*; *三个臭皮匠, 赛过一个诸葛亮* (*san ge chou pi jiang, sai guo yi ge zhu ge liang*) – *Три ничтожных сапожника стоят одного мудреца Чжугэ Ляна*; *三个笨汉, 抵一个状元* (*san ge ben han, di yi ge zhuang yuan*) – *Мудрость трёх дураков превосходит мудрость одного чжуаньюаня*. В русских пословицах имена собственные используются в другой функции (*Добро к Фоме пришло, да промеж рук ушло*.): они представляют самые распространенные имена на Руси и обозначают «усредненного» носителя определенного признака.

Одновременно особое значение для понимания смысла пословиц имеет лингвокультурологическая информация.

3. В русской и китайской национальной картине мира большую роль играют имена числительные. В русских пословицах используется числительное *семь* для обозначения большого количества чего-то, например, *У нас дураков семь байдаков, да еще и угол не почат*. При этом в китайской культуре актуально имя числительное *три*, обозначающее так неопределенно большое количество, к примеру, *三个臭皮匠, 赛过一个诸葛亮* (*san ge chou*

pi jiang, sai guo yi ge zhu ge liang) – Три ничтожных сапожника стоят одного мудреца Чжугэ Ляна; 三个笨汉, 抵一个状元 (*san ge ben han, di yi ge zhuang yuan*) – Мудрость трех дураков превосходит мудрость одного чжуаньюаня.

4. И в русских, и в китайских пословицах используются одинаковые образные средства, объективирующие концепт «дурак»: контраст, сравнение, повтор и метафора. Однако в русских пословицах используется больше, чем в китайских, контраст, в соотношении концепта «дурак» с когнитивными структурами «Ум» и «Опасность». В качестве членов контраста актуальны антонимичные ряды и противопоставленные в своих значениях объекты, тяготеющие к антонимам в данных контекстах, например: *горе – веселье, ад – рай, мед – яд*, и даже разноплановые по своей семантике глаголы, как, например, *потерять – найти, плюнуть – пить* и т.д. Метафора также более разнообразно представлена в русских пословицах: *ум или голова / голубятня (каланча), мысли / голубь (фонарь, свеча)*.

5. В соотношения концепта «дурак» и когнитивной структуры «Ум» выделяется ряд китайских пословиц, связанных с концептом «деньги». Данные китайские пословицы фокусируют внимание на том факте, что дурак стремится к деньгам. Это свидетельствует о том, что в китайской национальной картине мира концепт «деньги» занимает важное место; вместе с тем выражается отрицательное отношение китайского народа к жадному стремлению к деньгам. Подобное отношение к деньгам находим также в древней китайской мудрости.

6. Анализируя определенные тематические группы пословиц, мы не рассматривали целенаправленно группу пословиц, выявляющую личные качества субъекта-носителя глупости. Однако рассматриваемый материал дает основания утверждать, что в китайской культуре дурак отличается и болтливостью, что отражается в китайских пословицах: *蠢人嚼舌, 智者动脑* (*chun ren jiao she, zhi zhe dong nao*) – Дурак болтает языком, а умный

шевелит мозгами.

7. Концепт «дурак» представляет собой структурированное ментальное образование. Пословицы с концептом «дурак», вербально закрепляющие определенные пословичные картины мира в русских и китайских языках, представляют собой лишь часть большего по объему фрагмента действительности, в основании которого находятся когнитивные структуры «Глупость», «Ум», «Опасность», «Универсальность» и «Судьба».

Ядерную зону русских и китайских пословиц формируют общие когнитивные темы «отсутствие ума» и «глупый, не умный», которые определяют человека в качестве дурака. Отличительные признаки данного концепта и в русских, и в китайских пословицах почти полностью совпадают, однако они по-разному распределяются в структуре концептуального значения концепта «дурак» (относительно ядра, центральной части и периферии концептуального значения), что отражает национально-культурные особенности данного концепта в разных культурах. Кроме того, следует отметить, что в структуре концептуального значения рассматриваемого концепта в русской пословичной картине мира появляется дополнительный, отсутствующий в китайской национальной картине мира, признак «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша работа посвящена выявлению концептуальных признаков лексемы *дурак* с целью сформировать концептуальное значение данной лексемы в русских пословицах на фоне китайских. Цель нашего исследования позволила четко сформулировать задачи: описать теоретическую базу исследования; отобрать для анализа пословицы из пословичных словарей русского и китайского языков, а также из сборников пословиц китайского языка; выявить и охарактеризовать лексико-семантические группы слов, в которых объективируется концепт «дурак» в русских и китайских пословицах; выявить наиболее важные для русского и китайского языкового сознания ментальные установки, формирующие стереотипное представление о дураке; определить содержание концепта «дурак» в русских пословицах на фоне китайских. Все названные задачи были выполнены.

Паремиологическое пространство языка следует признать частью национальной языковой картины мира. Рассматривая пословичный материал данного исследования, вслед за В. И. Далем и другими учеными, под пословицами мы понимаем краткие, меткие по силе мысли народные изречения, устойчивые в речевом обиходе образные изречения, ритмически организованные, выраженные в художественной форме.

Проведенный анализ содержания термина 谚语 (Яньюй) (т.е. «пословица») в китайской лингвистике позволил сделать вывод об его аналогичном лингвистическом статусе с русским термином «пословица» и на этом основании подтвердить правомерность анализа русских пословиц на фоне китайских.

Отбор материала для исследования, осуществлявшийся в несколько этапов, позволил из 100 русских единиц, полученных путем сплошной выборки из словарей, оставить для лингвокультурологического анализа 50, а из 100 китайских единиц оставить для лингвокультурологического анализа

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы:

Ядерную зону русских и китайских пословиц формируют общие когнитемы «отсутствие ума» и «глупый, не умный», которые определяют человека в качестве дурака. Отличительные признаки данного концепта и в русских, и в китайских пословицах почти полностью совпадают, однако они по-разному распределяются в структуре концептуального значения концепта «дурак» (относительно ядра, центральной части и периферии концептуального значения), что отражает национально-культурные особенности данного концепта в разных культурах.

В центральную часть концептуального значения концепта «дурак» в русских пословицах попадают когнитемы: «существующий на Земле как данность (как аксиома)», «могущий представлять опасность для окружающих», «могущий иногда превращать недурака в дурака», «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека»; в китайских – «могущий представлять опасность для окружающих», «могущий иногда превращать недурака в дурака» и «способный иногда в определенных ситуациях быть сообразительнее умного человека».

На периферии концептуального значения данного концепта находятся когнитемы «имеющий отношение к любому индивиду», «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок», «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение» (русские пословицы); «существующий на Земле как данность (как аксиома)», «имеющий отношение к любому индивиду» и «обладающий чистыми, наивными представлениями о жизни, как и ребенок» (китайские пословицы).

Кроме того, следует отметить, что в структуре концептуального значения рассматриваемого концепта в русской пословичной картине мира появляется дополнительный, отсутствующий в китайской национальном

сознании, признак «вынуждающий окружающих корректировать свое поведение».

Для китайских пословиц характерно использование имен собственных, которые имеют нарицательное значение. В русских пословицах имена собственные используются в другой функции: они представляют самые распространенные имена на Руси и обозначают «усредненного» носителя определенного признака. Одновременно особое значение для понимания смысла пословиц имеет лингвокультурологическая информация. В русской и китайской национальной картине мира большую роль играют имена числительные. В русских пословицах для обозначения большого количества чего-то используется числительное *семь*, а в китайской культуре актуально имя числительное *три*, обозначающее также неопределенно большое количество.

И в русских, и в китайских пословицах используются одинаковые образные средства, объективирующие концепт «дурак»: контраст, сравнение, повтор и метафора. Однако в русских пословицах при соотношении концепта «дурак» с когнитивными структурами «Ум» и «Опасность» контраст используется больше, чем в китайских. В качестве членов контраста актуальны антонимичные ряды и противопоставленные в своих значениях объекты, тяготеющие к антонимам исключительно в данных контекстах. Метафора также более разнообразно представлена в русских пословицах.

Концепт «дурак» в русской и китайской картине мира ассоциируется и у русских, и у китайцев с образами ребенка, несчастного человека, которого надо пожалеть, но только в китайской традиции дурак ассоциируется с деньгами. Китайские пословицы фокусируют внимание на том факте, что дурак стремится к деньгам. Это свидетельствует о том, что в китайской национальной картине мира концепт «деньги» занимает важное место, что традиционно осуждается.

Анализируя определенные тематические группы пословиц, мы не

рассматривали целенаправленно группу пословиц, выявляющую личные качества субъекта-носителя глупости. Однако рассматриваемый материал дает основания утверждать, что в русской культурной традиции дурак отличается сообразительностью, наивностью и незлобивостью, а в китайской культуре дурак отличается чрезмерной болтливостью.

В дальнейшем было бы целесообразно расширить данное исследование и подтвердить полученные выводы на более репрезентативной выборке, т.е. на большем количестве пословиц.

Другое направление продолжения исследования связано с вопросом, трансформируется ли пословичное концептуальное значение лексемы «дурак» в современных художественных текстах или оно остается неизменным. Если оно трансформируется, то какие появляются дополнительные когнитемы, а какие при этом исчезают. Подобное исследование существенно дополнило бы современные исследования по вопросам концептуального значения слов и их национально-культурного своеобразия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко Е. И. Концепт крещение в русской народной сказке. Автореф. 2006.
2. Андреева М. А. Концепт как ключевое понятие лингвокультурологии. Автореф. Казань: 2006.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа// Вопросы языкознания. 1995. N1. С.37-67.
4. Бахтин М. И. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М.: Наука, 1975. – 367 с.
5. Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 46-72.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
8. Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 91-102.
9. Гузиева С. М. Когнитивно-прагматический аспект – лакунарности концепта свадьба (на материале русского и адыгейского языков).
10. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии// Вопросы языкознания.1977. N 6. С.37-48.
11. Зиновьева Е. И. О соотношении терминов «лингвострановедение» и «лингвокультурология» // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. — Вып. 9. — СПб., 2000. — С. 14-18.
12. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. – СПб.: ООО Издательский дом «МИРС», 2009. – 291с.
13. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и

- русских пословиц). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с. – (Филологические исследования).
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390с.
  15. Карасик В. И. Культурные доминанты // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. ВГПУ. Волгоград, 1996.
  16. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
  17. Касевич В. Б. Буддизи. Картина мира. Язык. - 2-е изд. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 282с.
  18. Кербс А. М. Реализация концепта материнство в дискурсе русских народных сказок. Автореф. 2008.
  19. Кириллова И. В. Лингвокультурологическую специфику когнитивной оппозиции ум – глупость в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2012.
  20. Кирик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры. Вопросы языкознания 4. 2008. 51-77 с.
  21. Колесов В. В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестн. СПб. ун-та. 1992. № 3.
  22. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // филология и культура: Мат-лы. 2-й междунар. конф. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та. 1999. с. 6 - 13.
  23. Кубрякова Е. С., Демянкова В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: 1997.
  24. Левин Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремнологические исследования: Сб. статей / Сост. и ред. Г.Л. Пермяков. – М.: Глав. ред. вост. литературы, 1984. – С. 109-126
  25. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв РАН, Сер.

- Литература и язык. 1993. с.7 - 52.
26. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики (К изучению эстетики устнопоэтического канона) / Г.И. Мальцев // Русский фольклор. Т. 21. Л.: Наука, 1981. – С. 3-12.
  27. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. Высш. учеб. Заведений. - 3-е изд., испр. - М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
  28. Ма Цин. Фразеологические и паремические репрезентанты концепта «глупость» в русском языке на фоне китайского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 53-57.
  29. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М: 1996.
  30. Моисеева В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Автореф.1998.
  31. Моргоева Л. Б. Бесолова Е. Б. Об особенностях репрезентации концепта «дурак» в осетинских паремиологических текстах // Современные проблемы науки и образования. – 2015. –№ 2-3. – 66 с.
  32. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
  33. Песина С. А. Философия языка: учеб. пособие / С. А. Песина. – 2-изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 376 с.
  34. Пименов Е. А. , Пименова. М. В. Концепт. Образ. Понятие. Символ: Комективная монография - Кемероао: ИПК «Графика» , 2004. – 276 с.
  35. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под ред. Карашик В. И. Стернина И. А. Антология концептов / Под ред. – М.: Гнозис, 2007. – с. 14-17.
  36. Полищук Т. И. Концепт «глупость» в языковой картине мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд.

- филол. наук. – Калуга, 2012.
37. Попова З. Д. , Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / Под ред. Карашик В. И. Стернина И. А. Антология концептов / Под ред. - М.: Гнозис, 2007. - с. 7-9.
  38. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.
  39. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2003. – 563 с.
  40. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с. – (От А до Я).
  41. Сабитова З. К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Сабитова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 528 с.
  42. Селиверстова Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): Дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Селиверстова. – СПб., 2010. – 421 с.
  43. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996. – 284 с.
  44. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (учеб. Пособие) - М. : Слово / Slovo, 2000. – 624с.
  45. Тхорик В. И. , Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Второе издание. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
  46. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога. (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М. 1992. – с. 1-9.
  47. Черванева В. А. Концепт дистанция в волшебной сказке. Автореф.

Воронеж: 2003.

48. Черкосова М. Н. К вопросу фреймо-слотовой структуре концепта дурак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 74-82.
49. Чжоу Шо. Фразеологическое поле «глупость» в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... маг. филол. наук. – СПб., 2004.
50. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – т. I. – 1984. – 383 с.; т. II. – 1984. – 399 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского языка. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН. 2003. – 616 с.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 5987 с.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия./ Под ред. А.П. Горкина— М.: Росмэн. 2006. 984 с. (ЛИЯ)
5. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70000 пословиц. – 311 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. Проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и образования», 2014. – 1376 с.
7. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд.

- дополнительное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Толковый словарь русского языка. Том 1. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 848 с. (ТСРЯ)
  9. Толковый словарь русского языка. Том 3. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с. (ТСРЯ)
  10. Толковый словарь русского языка. Том 4. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 752 с. (ТСРЯ)
  11. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. – 1999. – 702 с. (МАС)
  12. 百科词典 [商务出版社 2007 年] // 汉典 : 教育出版社 共 1314 页 (Китайский энциклопедический словарь. – Пекин: Народное образование, 2007. – 1314 с.).
  13. 温端成 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011 年 638 页(Уэнь, Дуань Чэн. Большой словарь китайских поговорок / Дуань Чэн, Уэнь. Шанхайское словарное издательство. 2011. - 638 с.)
  14. 温端成 中国俗语大辞典 上海辞书出版社 2011 年 1130 页(Уэнь, Дуань Чэн. Большой словарь китайских пословиц / Дуань Чэн, Уэнь. Шанхайское словарное издательство. 2011. – 1130 с.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русские пословицы, рассмотренные в данном исследовании

1. Дурак дурака учит, а оба не мыслят.
2. Зрячий не скажет, дурак не догадается.
3. Один дурак сказал, другой повторил.
4. Дурак сам не рад, что ума нет.
5. Что он дурак, так это и мать его родная скажет.
6. Кому Бог ума не дал, тому кузнец не прикует.
7. У него (у дурака) из голубятни голуби улетели.
8. Два фонаря на пустой каланче.
9. Голова без ума, что фонарь без свечи.
10. У дурака что на уме, то и на гумне (т.е. пусто).
11. Дурак на руке и пальцев не сочтет.
12. Заставь дурака горшки носить, а он рад разбить.
13. Пошли дурака за водой, он огня несет.
14. Заставьте дурака Богу молиться – он и лоб расшибет.
15. Дал дураку яичко: что покатыл, то и разбил.
16. Не попробовавши, солит дурак.
17. Где умному горе, там глупому веселье.
18. Глупый-то свистнет, а умный-то смыслит.
19. Умный плачет, а глупый скачет.
20. Малый, что глупый: что видит, то и бредит.
21. Дурак мелет, а умный верит.
22. Дурак в воду камень закинет – десятеро умных не вытащат.
23. Дурак завяжет – умный не развяжет
24. Временами и дурак правду скажет (т.е. что-н. правильное).
25. И глупый умного одурачит.
26. Не дай Бог с дураком связаться!
27. Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю!

28. Лучше с умным потерять, чем с глупым найти!
29. Даст тебе дурак мёду – плюнь, даст мудрец яду – пей.
30. С дураком шутить опасно.
31. Дурак опаснее врага.
32. Дурак один родится – всему свету беда.
33. С дураком говорить – сам будешь дурак.
34. Дурака пошлешь, а за ним и сам пойдешь.
35. Дурак, кто с дураком свяжется.
36. С дураками и сам поглупеешь.
37. Молчи, коли Бог разуму не дал!
38. На Руси, слава Богу, дураков сто лет припасено.
39. наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь.
40. Всех дураков на свете не перечесть.
41. Сколько дней у Бога впереди, столько и дураков.
42. На наш век дураков много.
43. Про всякого дурака ума не напасешься.
44. Тот дурак, кто слушает чужих враг.
45. Прямой, что дурной (глупый).
46. Дурак не дурак, а сроду так.
47. Не дурак, а родом так.
48. Дурак не орут, не сеют, а сами рождаются.
49. Был дураком, дураком и остался.
50. Дурак весь мир объедет и дураком вернется.
51. Дурак дураком будет.
52. Дурак и из-за границы дураком вернется.
53. Дурак – Божий человек.
54. Бог дураков любит.
55. Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь.
56. На дурака у Бога милости много.

57. Дурак спит, а счастье у него в головах лежит.

58. Дурак стреляет – Бог пули носит.

Китайские пословицы, рассмотренные в данном исследовании

1. 头脑简单，四肢发达。

У дурака голова простая, а тело развитое.

2. 秕麦穗子翘得高，无知的人爱骄傲。

Колос худой пшеницы высоко растет, а глупый высоко себя оценивает.

3. 榆木脑袋——不开窍。

Мозги не варят у дубовой головы.

4. 蠢人总是在同一块石头上摔跤。

Дурак всегда спотыкается на одном и том же камне.

5. 愚蠢的人总是为自己的错误辩护，聪明人力求改正自己的错误。

Дурак оправдывает свои ошибки, умный человек их исправляет.

6. 每一个人都不可能没有错误，只有蠢家伙才会一错再错。

Каждый может совершать ошибку, но только дурак свою ошибку повторяет.

7. 此地无银三百两，隔壁王二不曾偷。

Здесь не закопаны 300 лянов серебра, сосед Ван Эр никогда не ворует.

(Смысл: дурак пытается скрыть что-то, но сам себя выдает своими поступками.)

8. 蠢人嚼舌，智者动脑。

Дурак болтает языком, а умный шевелит мозгами.

9. 博学的人大话少，浅薄的人爱吵吵。

Мудрец мало бахвалится, глупец часто болтает.

10. 聪明人用成果说话，傻瓜才用舌头吹牛。

Язык мудрого в сердце, сердце глупого – на языке.

11. 蠢家伙贪求的是钱财，聪明人珍藏的是知识。

Дурак жадно стремится к деньгам, а умный человек – к знаниям.

12. 愚蠢的人幸福是钱和官，聪明的人幸福是劳动和贡献。

Дураку счастье состоит в деньгах и власти, а умному человеку – в труде и вкладе.

13. 智者驾驭金钱，愚者被金钱束缚。

Мудрец держит деньги под контролем, а дурака ограничивают деньгами.

14. 孩子和傻子，不会说谎话。

Ни дети, ни дураки не умеют лгать.

15. 一愚所失，百智难回。

Дурак в воду камень кинет (закинет), десятеро (десять) умных не вытащат (не вынут, не достанут).

16. 愚者所问，智者难答。

Один дурак больше может задать вопрос, нежели десять умных может ответить.

17. 三个臭皮匠，赛过一个诸葛亮。

Три ничтожных сапожника стоят одного мудреца Чжугэ Ляна.

18. 三个笨汉，抵一个状元。

Мудрость трёх дураков превосходит мудрость одного чжуаньюаня. (первый из сильнейших (победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность), название учёной степени в старом Китае, мастер своего дела)

19. 聪明人，好说话；糊涂人，好打架。

Умный любит говорить, а дурак любит драться.

20. 呆子帮忙，越帮越忙。

Когда дурак помогает, только хлопоты добавляет.

21. 歹马害一群，歹人害一帮。

Худая лошадь весь табун портит, а дурак приносит вред другим.

22. 愚蠢的朋友比明智的敌人更糟糕。

Глупый друг хуже умного врага.

23. 跟愚者成糊涂，随智者变聪明。

С дураком дружить – глупеет, с умным – становится умнее.

24. 歹人多怒气。

Дурак часто выходит из себя.

25. 聪明一世，糊涂一时。

Конь и о четырёх ногах, да спотыкается. (И на старуху бывает проруха.)

26. 不懂装懂，一世饭桶。

Человек, напускает на себя вид знатока, всегда является никудышным и глупым.

27. 刀不磨要变钝，人懒惰要变笨。

Нож, который не точат, становится тупее; человек, который ленится, становится глупее.

28. 一问三不知，神仙没法治。

Дурак ни о чем не имеет понятия, даже небожитель не может его лечить.

29. 笨蛋自然成，无须勤浇水。

Дураки сами рождаются, не надо часто поливать.

30. 朽木不可雕也，粪土之墙不可圻也。

Из гнилого дерева поделки не сделаешь, стены с мусором не побелишь.

31. 呆人有呆福，泥菩萨住得大屋。

У бесхитростного человека жизнь удачливая, глиняному Будде

поклоняются в большом монастыре (как образ для поклонения) 泥菩薩
过江，自身难保 Глиняный Будда переходит вброд реку – даже
собственное тело трудно сохранить в целостности, обр. не может и себе
помочь, не говоря уж о помощи другим.

32. 憨头郎儿，增福延寿。

У дурака долголетие и удача.